

67-6
140112

На правах рукописи

Г. Ш. КИГУРАДЗЕ

ПРОБЛЕМА АРМИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(1789—1794 гг.)

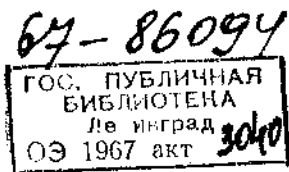
АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Направляем Вам для ознакомления автореферат диссертационной работы тов. Кигурадзе Г. Ш. на тему: «Проблема армии в период Великой французской буржуазной революции (1789—1794 гг.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Защита диссертации состоится на заседании Ученого Совета исторического факультета Тбилисского государственного университета «—»—1967 г.

Ваш отзыв на автореферат просим прислать по адресу: г. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1, ТГУ, исторический факультет.

Ученый секретарь:

История армии Великой французской буржуазной революции интересовала многих исследователей и нашла отражение в огромной специальной литературе. Но, как правило, проблема армии рассматривалась в основном в аспекте военной истории.

Целью настоящего труда не является изучение военной истории; он представляет собой конкретное историческое исследование о роли армии как политического фактора в истории французской революции.

Армия, как известно, в процессе развития Великой французской буржуазной революции превратилась в колоссальную политическую силу и сыграла огромную роль в деле ее успешного завершения. В этой связи автор ставил своей целью рассмотреть также следующие вопросы: 1) мероприятия, которые осуществила французская революция в деле создания новой армии и организации обороны страны; 2) социальные, экономические и политические условия, которые обусловили значительные успехи в деле создания армии и организации обороны; 3) роль масс в осуществлении перечисленных выше мероприятий.

Диссертация (1086 машинописных страниц) состоит из вступления и пяти глав. Во вступлении (стр. 1-66) обосновывается актуальность темы, говорится о предмете и цели исследования.

Актуальность проблемы изучения истории Великой французской буржуазной революции в прогрессивной зарубежной и советской исторической литературе несомненна. В программе КПСС указывается: «Исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму»¹.

В закономерном процессе исторического развития общества место Великой французской буржуазной революции, несомненно, весьма значительно. Революция была бесспорным доказательством закономерности гибели феодализма и победы капитализма, так же как и социалистическая революция является закономерным приговором, который вынесла исто-

¹ Программа и устав КПСС, М., 1962, стр. 215.

рия капитализму. Именно это обстоятельство явилось причиной острого кризиса современной буржуазной историографии.

Нигилистическое и скептическое отношение к истории как науке в буржуазной историографии приняло широкие масштабы. В первую очередь современные буржуазные историки отрицают и оспаривают принцип объективного и закономерного развития общества, единства исторического развития мировой истории, игнорируют идею прогресса. В конечном счете, они отрицают историю как науку. Социальная сущность этого антиисторизма иллюстрируется следующими словами правого французского социолога Р. Арона: «Всеячески надо поддерживать скептиков, если они могут развеять фанатизм»¹. Под «фанатизмом» подразумевается признание закономерного, объективного исторического развития и неизбежности гибели капитализма.

Естественно, что историки, которые выступают против принципа исторической неизбежности, особенно энергично нападают на революцию — «локомотивы истории». Объектом их нападок являются не только социалистические революции, они отвергают и свои, буржуазные революции, которые некогда сами восхваляли. Сегодня традиции Берка и Ипполита Тэна проявляются с новой силой. В таких условиях несомненно, что проблема исследования буржуазной революции остается первостепенной задачей марксистской историографии и в первую очередь советской исторической науки.

Профессор Б. Ф. Поршнев совершенно правильно отмечает, что одним из важнейших объектов исследования новой истории является история буржуазных и пролетарско-социалистических революций и революционных движений, а «классическим образцом буржуазной революции нового времени неизменно остается французская революция XVIII в. Это богатейшая почва для углубления анализа, для новых исследований»².

Несмотря на наличие колоссальной литературы по истории французской буржуазной революции, много ее проблем ждут своего исследователя. Некоторые зарубежные и советские историки ошибаются, когда думают, что ввиду обилия специальной литературы о французской революции уже ничего не осталось для новых исследований. Проф. А. З. Манфред прав, когда пишет что «...это не так. Борьба вокруг проблем Великой французской революции не только не затихает, но время от времени вспыхивает с новой силой, и не по частным,

а по стержневым вопросам этой проблематики»¹. Это же положение он повторяет в предисловии недавно вышедшей монографии Собуля. Он пишет: «И хотя за 177 лет, прошедших с начала революции, уже накопилась почти необозримая литература — написаны многие тысячи исследований, книг, статей — все же остается еще немало вопросов в истории революции, ждущих своего разрешения»².

Не случайно, что современные прогрессивные силы горячо приветствуют каждую новую попытку изучения французской буржуазной революции. Так, например, газета «L'Humanité», отмечая, что отдельные историки с некоторым пренебрежением относятся к этой теме, приветствует недавно опубликованный труд Жана Сюре-Канала «О конституции 1793 г.»³.

Среди недостаточно изученных проблем истории французской буржуазной революции надо назвать проблему армии, на что справедливо указывал известный современный французский историк Марсель Рейнар.⁴ Он подчеркивает, что история армии до сегодняшнего времени изучена односторонне, только с позиции военной истории. Армия представляла только как военная организация, а военная история сведена к описанию войн. Историки поверхностно освещают вопросы разложения старой армии и рождения новой армии, создание наполеоновской «преторианской» армии и др.

Рейнар надеется, что важная проблема армии и ее позитивная роль в развитии и победоносном завершении революции еще ждет своего исследователя. Сам Рейнар глубоко убежден в том, что в победе революции армия явилась одним из решающих факторов. По его мнению, определение роли армии в истории революции должно проводиться на основе социального анализа явлений. На это недавно указывал и А. Собыль, который подчеркнул, что любая область истории неотделима от социальной истории, в том числе и военная история. Он пишет: «Значение вооруженных сил, их организация, оснащение, боевой дух непосредственно связаны с экономической и социальной средой, в которой эти силы были

¹ А. З. Манфред. Великая французская революция и современность. «Новая и новейшая история». 1964, № 4, стр. 69.

² А. Собыль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, стр. 7. Вступительная статья проф. А. З. Манфреда.

³ „L'Humanité“, 1967, 21. II.

⁴ M. Reinhard, Observations sur le rôle révolutionnaire de l'armée dans la révolution française, „Annales historiques de la révolution française“, P., 1962. avr.—juin, № 168, pp. 169—181. М. Рейнар, О революционной роли армии в период французской революции. „Французский Ежегодник 1961 г.“ М., 1962 г.

¹ В. Арон, L'opium des intellectuels. Paris. 1955, p. 334.

² Б. Ф. Поршнев. Основные проблемы изучения новой истории. «Новая и новейшая история», 1961, № 6, стр. 40.

созданы и устроены, что вооруженные силы отражают эту среду, так же как среда объясняет их сущность, — ныне общепризнано. Наука о войне (которая шире истории войн) относится к области социальной истории»¹.

Опираясь на эти авторитетные утверждения крупнейших французских историков, автор счел необходимым рассмотреть революционную роль армии и, опираясь на социальный анализ, показать армию как общественно-политическую силу. Именно этому вопросу в диссертации уделяется основное внимание, поскольку автор попытался хотя бы частично восполнить тот пробел, который существует в изучении данной проблемы.

Разумеется, говоря о революционной роли армии, мы полагали, что одной из главных функций армии оставалась ее борьба с внешними врагами. Однако вместе с тем армия сыграла значительную роль и как внутренняя революционная сила. В дни июньско-июльского кризиса 1789 года поддержка революции со стороны армии обусловила победу прогрессивных сил над контрреволюционным заговором реакции. Армия поддерживала революционный порядок внутри страны, боролась с силами контрреволюции, защищала завоевания революции. В этом отношении, например, характерна позиция армии в период октябрьского кризиса 1789 г., в период вареннского кризиса, в момент измены Лафайета и Дюмурье, в самоотверженной борьбе против восстания в Вандее, в борьбе против контрреволюции в Тулоне, Марселе, Лионе и т. д. Примечательно, что военные отряды специального назначения (так называемая «революционная армия») в основном были созданы как внутривнутриполитическая сила.

Армия выполняла административные и политические функции как внутри, так и вне Франции. Армия сыграла ведущую роль в ликвидации старого феодального режима и установлении нового общественного порядка. Размах революционных действий армии определялся масштабом внедрения правительством революционных повешеств внутри и за пределами Франции.

При исследовании революционной роли армии автор уделил наибольшее внимание определению ее места в рамках внутренней истории Франции, а именно: выяснению того, что непосредственно сделала армия для победы революции и охраны ее от внешних врагов. Но, как известно, революционная роль армии этим не ограничилась. Поскольку французская революция имела выдающееся международное значение,

¹ Альбер Собоуль, Некоторые вопросы статистического изучения социальной истории. «Новая и новейшая история». 1967, № 2, стр. 29.

явившись началом и стимулом всеобщего разрушения феодального строя, то и роль ее армии в этом процессе была весьма значительной и поэтому в данном аспекте она заслуживает специального исследования.

Исходя из этого, в данном диссертационном труде революционная историческая роль армии вне Франции изложена в сравнительно общих чертах.

То обстоятельство, что армия с первых же дней революции стала на ее сторону, был решающим фактором победы революции. В труде вместе с тем показано, что в составе движущих сил революции армия отнюдь не выступала в качестве обособленной силы. Переход королевской армии на сторону революции не был случайным. Это явилось логическим результатом внутреннего закономерного развития революционной борьбы.

С первых же дней революции обнаружилась внутренняя органическая связь королевского солдата с той социальной средой, откуда он вышел. Тесно связанный с народными массами, солдат стал на сторону народа. Это совершенно закономерное явление. Что же касается армии нового типа, то ее главным создателем явился сам французский народ. Интересы и политические настроения армии и народа стали почти адекватны. На примере французской буржуазной революции еще раз опровергается буржуазный тезис об аполитичности армии. Не случайно, что все социальные конфликты, которые имели место в период революции, отражались на армии так же, как и на всей остальной революционной массе.

В диссертации подчеркнута, что быть солдатом-патриотом не означало быть только защитником своего отечества. Это означало вместе с тем и защиту тех великих преобразований, которые осуществлялись революцией, принятие в них непосредственного участия.

Вторым вопросом, который занимает особое место в диссертации, является вопрос строительства и организации новой армии.

Обычно, когда речь идет о роли армии в революции, подразумевают в первую очередь старую королевскую армию. Ее роль хронологически и по значению ограничивается первым этапом революции. С самого начала королевская армия поддержала революцию, но затем логика событий привела к быстрому ее разложению. Впоследствии главной движущей силой в революции выступает армия нового типа, созданная самой революцией.

Определение революционной роли армии должно исходить именно из действий армии нового типа. Естественно, что для оценки революционной роли новой армии в первую оче-

редь надо исследовать историю ее становления. Именно поэтому в диссертации широко исследуется история строительства армии нового типа в революционной Франции.

В диссертации подробно вскрывается та колоссальная энергия, с которой французский народ и революционное правительство создавали новую армию. Создание этой армии явилось событием исключительно важного революционного содержания.

Если революционная роль армии изучена сравнительно мало, то история ее создания представлена в буржуазной историографии достаточно полно. Однако в исследованиях буржуазных историков имеются существенные недостатки. Так, например, вопрос изучается односторонне, эклектически; имеет место простой пересказ фактов (перед нами описательная история, фактологическая или «событийная» история); игнорируется классовая сущность вопроса; не дан анализ социальных, политических и экономических явлений; наконец, исключена роль французского народа в создании новой армии.

Наблюдается также предвзятая тенденция свести на нет роль революционной Франции в создании армии (Ишполит Гэн, Шилли, Д'Отерив, Камиль Рузе и др.). Историки этого направления стараются доказать, что революция получила прекрасное наследие в лице королевской армии, что военная политика революции разложила эту мощную, монолитную, преданную силу и что совершенно излишними были военные эксперименты революции, т. е. не нужно было «хирургического вмешательства». Наоборот, необходимо было сохранить и укрепить старую армию. Если что-либо осталось ценным в новой армии, то это было перенято или сохранено от старой армии как в лице солдат, так и в лице офицеров. Для этих историков волонтерская армия представлялась сбродом, который принял облик армии только после слияния с регулярными частями.

Не только указанная выше группа историков, но и прогрессивные буржуазные исследователи не смогли убедительно показать и объяснить сложный процесс строительства армии нового типа. Сам факт создания этой армии они расценивают как положительное явление, но они не в силах объяснить сущность этого процесса. В нем они видят только конституционный или законодательный акт, или результат деятельности отдельных личностей — деятелей Учредительного и Законодательного собраний и Конвента. Например, выделяют деятельность Лазаря Карно как организатора победы. Не случайно Марсель Рейнар посвятил Лазарю Карно двухтомную солидную монографию.

Современные французские историки не забывают и соратников Карно. Например, Жорж Бушар рассматривает сорат-

ника Карно, Приера Кот Д'Ора как еще одного организатора победы и создает о нем обширное исследование.

Некоторые историки главной действующей силой представляют военное министерство или военные комитеты, которые существовали при Учредительном и Законодательном собраниях и Конвенте. Особое внимание уделяется действиям Комитета общественного спасения и др.

Другие историки утверждают, что главным основанием для создания новой армии является принцип конституционной демократии, что, мол, хорошая конституция создала хорошую армию. Например, историк Шассен утверждает, что основанием для создания армии является Конституция. Для Шассена новая армия — это плод «принципов 1789 года».

Действительно, в Конституциях французской революции (1791 и 1793 гг.) был узаконен статут новой армии, но это не означало, что сущность новой армии определяла и устанавливала Конституция. Конституция, можно сказать, придала юридическую форму уже свершившемуся факту, а именно, что армия была создана в результате острой классовой борьбы.

В результате изучения данного вопроса становится ясным, что вокруг проблемы армии группировались три социальные силы: обреченная на гибель феодальная аристократия и королевский двор, которые боролись за сохранение старой кастовой армии; буржуазия, которая была сторонницей «цензурной» армии и хотела иметь в лице армии защитницу имущей Франции; наконец, революционная демократия, которая боролась за создание национальной армии, основанной на буржуазно-демократических принципах. Беднейшие слои Франции выработали свою программу создания санкюлотской армии, осуществление чего, в конечном итоге, в условиях буржуазной революции стало невозможным. Наше исследование шло по пути изучения указанных выше стимулов для создания армии.

Таким образом, освещение вопроса организации новой армии буржуазной историографией страдает существенными недостатками, среди которых главным является полное игнорирование роли французского народа в деле организации новой армии и победы над врагом.

Автор рассчитывает на основе марксистской методологии посылить восполнить этот пробел.

Многие современники, а затем и многие историки повторяли фразу: «Победа революционной Франции над врагом была истинным чудом». Буржуазная историография не смогла постичь тайну этого «чуда». Даже для Альфонса Олара это

чудо остается в какой-то мере необъяснимым. Действительно, в деле организации новой армии и обороны страны французский народ совершил чудо. Но, как известно, в истории чудес не бывает. Они обуславливаются определенными объективными условиями. Каждое «чудо» имеет свое социальное, политическое и экономическое обоснование.

В диссертации автор ставит своей целью приоткрыть занавес над этим «чудом», раскрыть его суть. Ключем к этому является следующее положение В. И. Ленина: «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью истинные революционно-демократическим к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу»¹.

В другом месте В. И. Ленин отмечает: «Побежденный феодализм, упрямая буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области»².

В конце XVIII в. во Франции феодализм уступил место новому, буржуазному общественному строю; победил перодовой для того времени способ производства, который послужил основанием для нового экономического базиса, одной из надстроек которого и явилась новая армия. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Во Франции конца XVIII века создалась сначала экономическая основа нового, высшего способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась могучая революционная армия»³.

Не случайно, что окончательная организация новой армии и победа над врагом стали возможны именно в период якобинской революционно-демократической диктатуры, когда были решены все социально-политические проблемы, необходимые для успешного завершения создания новой армии. Ни Учредительное, ни Законодательное собрание не решило основного вопроса революции — аграрной проблемы. Только якобинцы сумели осуществить окончательную ломку феодальных отношений. Они освободили крестьян от феодализма,

роздали им землю, создав тем самым свободное крестьянское землевладение.

Французский крестьянин, одетый в военный мундир, стойко защищал завоевания революции. В случае победы коалиции крестьяне теряли все, с возвратом феодализма были бы восстановлены старые порядки. Революция дала французскому крестьянину землю и, естественно, он должен был стать верным защитником этой революции.

Французское крестьянство составляло большинство населения и понятно, что основное ядро армии составляли крестьяне. Поэтому правильное решение аграрного вопроса являлось одним из главных компонентов в создании армии и достижении военных успехов.

Безусловно, будет ошибкой представлять французскую армию как только крестьянскую армию. Армия олицетворяла собой единый народный фронт, объединяла все силы, борющиеся против феодального строя. Прогрессивная буржуазия, мелкобуржуазная демократическая масса, городская беднота — плебс — все они вместе с крестьянами защищали завоевания революции. Якобинцы своими социальными, политическими и экономическими мероприятиями еще более усилили энтузиазм народных масс.

Буржуазно-демократическая Конституция 1793 года отменила деление общества на «активных» и «пассивных». Пассивные, или немущие, приобретали гражданские права. Якобинцы ввели всеобщее избирательное право, они проводили социальные эксперименты, которые внушали определенную надежду демократической массе. Якобинцы старались облегчить экономическое положение народа. Все это расширило социальный круг защитников революции, превратило защиту родины и завоевание революции в народное дело.

Автор пытается широко осветить те социальные, политические и экономические условия, которые способствовали возникновению главного фактора победы над врагом в лице новой армии и солдата нового типа — солдата-гражданина.

В объяснении успехов новой армии автор руководствовался положением Энгельса, что «современная система ведения войны является необходимым продуктом французской революции. Ее предпосылкой является социальная и политическая эмансипация буржуазии и парцелльного крестьянства. Буржуазия дает деньги, парцелльные крестьяне ставят солдат; эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий; связанный же с этой ступенью общественного развития уровень богатства и культуры точно так же является необходимым условием для обеспечения сов-

1 В. И. Ленин, Сочинения (изд. четверт.), т. 25, стр. 335.

2 В. И. Ленин, Сочинения т. 27, стр. 4.

3 В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 3.

ременных армий необходимым количеством оружия, боевых припасов, продовольствия и т. д., для создания пужных кадров образованных офицеров и для умственного развития самих солдат».¹

В деле достижения военных успехов центральной фигурой являлся новый тип солдата — патриот и гражданин; главным было его мировоззрение, гражданская доблесть, революционный энтузиазм. Все это создавало ему моральную устойчивость и обуславливало его победу над плаемным солдатом феодальных государств. «Только такая революция, — пишет Энгельс, — как французская, экономически раскрепостившая буржуа и особенно крестьянина, могла изобрести форму массовых армий».²

Война, которую вел французский народ, была оборонительной, справедливой и прогрессивной. В труде подчеркивается, что война эта была не только национальной, т. е. войной в защиту родины. Эта война ставила и вторую, не менее важную задачу — защиту завоеваний революции.

В конечном итоге новый солдат и новая победоносная армия были плодом нового прогрессивного общественного строя, утвердившегося в результате революции. Поэтому понятно, что победа революционной Франции над феодально-абсолютистской системой была закономерной исторической неизбежностью.

В решении проблемы новой революционной армии автор отмечает один немаловажный момент: когда началась война между Францией и феодальной Европой, французская королевская регулярная армия разложилась. Формирование новой армии и организация победы происходила в условиях войны и в окружении многочисленных сильных противников; новая армия училась воевать в процессе войны.

Руководителям французской революции надо было проявить колоссальную энергию и активность: сложную проблему строительства новой армии они решали параллельно с другими важными мероприятиями, которые они проводили внутри страны, опираясь на поддержку и инициативу народных масс. Бесспорно, что всенародная поддержка обусловила успехи военной политики Конвента.

В буржуазной историографии, как отмечалось, наблюдается антинаучное отношение к оценке роли народных масс в истории. Данное исследование и ведется в плане критики ошибок, допущенных буржуазной историографией по линии игнорирования роли народных масс в решении военной проблемы.

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1957, стр. 631.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 160.

Внимание автора было сосредоточено на выявлении еще одного фактора, способствовавшего успеху войн. А именно — на степени боеспособности войск противника. Революционно-патриотической французской армии противостояла обреченная историей на гибель, деградирующая армия старого режима. Вместе с тем успехам французской армии способствовало то обстоятельство, что силы коалиции были недостаточно централизованы; между отдельными феодальными государствами вновь выявились традиционные противоречия; у них не было единого плана руководства, часто менялись планы военных действий и т. д. В течение целого года с начала войны коалиция медлила и допускала ошибку за ошибкой, не сумела использовать свое численное превосходство и трудности внутреннего порядка, возникшие во Франции. Время же способствовало успехам революционеров, которые создали многочисленную армию и обеспечили ей решительный успех.

В диссертации обращено внимание на новые методы ведения войны, которые выработала революция. В период войн была создана новая стратегия и тактика. В этом деле решающую роль сыграли новые военные руководители, какими явились Келлерман, Дюмурье, Карно, Гош, Клебер, Марсо, Жубер, Журдан, Дезе, Моро и др. Они выработали основы новой стратегии и тактики, которые затем усовершенствовал и превратил в новую военную систему великий военный и политический талант Наполеона Бонапарта, который сам вышел из недр революции.

Наряду с этим в труде отмечается, что изменения, которые революция произвела во всех сферах общественной жизни, стали решающей основой новой стратегии и тактики. Изменения в экономической жизни страны создали материальный базис для новой армии. В труде подчеркивается массовость и мобильность армии. Только в условиях развития новых буржуазных порядков революционная Франция сумела мобилизовать колоссальные людские и материальные ресурсы. Вместо старого порядка укомплектования армии путем вербовки и найма, победившая буржуазия узаконила всеобщую обязательную воинскую повинность. Она руководствовалась принципом: каждый гражданин — солдат, каждый солдат — гражданин. Новый порядок набора армии давал возможность в короткий срок поставить под ружье многочисленную армию, невиданную ранее по своим масштабам.

В диссертации большое место занимает исследование вопроса об офицерском корпусе. Революционная Франция окончательно отказалась от старого дворянского офицерства. Произошла широкая демократизация офицерского состава, появились офицеры нового типа, которые честно служили ро-

дине и революции. Между солдатом нового типа и офицером установились совершенно новые взаимоотношения.

В диссертации освещается вопрос снабжения армии и дается анализ политики социального обеспечения военнослужащих. Подчеркнуты также те новшества, которые внесла революционная Франция в организационную структуру армии. Армия, непомерно возросшая в своем числе, нуждалась в более гибком руководстве, для чего было проведено слияние старой регулярной армии с созданной во время революции добровольческой армией (амальгама). В новой армии использовалось то ценное, что было в старой армии и высокие моральные качества добровольцев.

В труде уделено внимание значению террора, который сыграл определенную роль в деле успешного проведения военной политики.

Общепародный характер войны сказывался и в том, что войну выигрывал не только тот, кто шел на фронт, но и тот, кто оставался в тылу. Французская революция дала прекрасный образец единства тыла и фронта. Этот вопрос особо выделен в диссертации. Автор поставил своей целью развеять, по возможности, миф об аполитичности армии, миф, или, говоря словами французского историка Жоржа Миньона, парадокс, о котором Альбер Сорель пишет, что армия совершенно не заинтересована тем, что происходит внутри страны и кто ею управляет, что армия борется не за правительство, а за Францию.

В диссертации критически рассмотрены взгляды тех авторов, которые преувеличивают роль армии в истории Франции. Например, положение о том, что Франция создана силой меча, что Франция стала на ноги лишь тогда, когда произошло соединение сильной власти с армией.

Революционная Франция дала хороший пример взаимоотношения политики и военной стратегии, несмотря на то, что в этих взаимоотношениях замечаются некоторые ошибки и преувеличения. Военная стратегия подчиняется общеполитическим государственным задачам.

Война — это продолжение политики другими средствами, она представляет собой исторически обусловленное явление. Политика определяет общие цели войны, ее организацию и ее ведение и т. д.

Стратегия — продукт эпохи и она должна осуществляться в союзе с ней. История доказала, что формы войны, вооруженные силы, методы ведения войны и отдельных опера-

ций — все это меняется в соответствии с развитием производительных сил и производственных отношений¹.

Характер и формы войны определяются конкретными классовыми отношениями, политикой господствующего класса, характером и масштабом политических задач, то есть теми общеполитическими устремлениями, которые ставит перед собой господствующий класс.

В новую эпоху война превращается в такое общественное явление, когда на военную арену выступают многомиллионные массы, когда под ружье становится 10-15% населения. В таких условиях ведение войны не может оставаться делом одного военачальника-стратега, отныне ведение войны превращается в дело всего правительства². Например, войну в революционной Франции направлял Конвент, который был правительством и, так сказать, коллективным главнокомандующим. Наполеон не был только военачальником. Он стоял во главе французского государства и правительства.

Естественно, все это не означало, что отныне ведение войны стало делом только политиков. Например, Робеспьер и Сен-Жюст были крупными политиками, их огромная роль в создании армии и организации обороны страны несомненна. Но те же Робеспьер и Сен-Жюст не были военными специалистами и не могли заменить Гоша, Марсо, Жубера и др. военных деятелей.

Политики могут определять политические и экономические цели войны, способы решения общих стратегических задач, определить какая война нужна в данный момент — оборонительная или наступательная. Они должны проводить мобилизацию и регулирование военных ресурсов. Но что касается непосредственного и оперативного осуществления военных операций, то это является делом военных. Некомпетентное вмешательство политиков в их дела чревато опасностями и может довести до авантюризма.

В период революционных войн во Франции между политикой и военной стратегией установилось в основном правильное взаимоотношение.

Вожди революции верно определили главный принцип подчинения военной стратегии политике. Это преимущественно проявилось в деятельности Конвента и органов революционного правительства. Они хорошо поняли и осуществили взаимосвязь между стратегией и тактикой. Для них было ясно, что тактика подчиняется стратегии и разработка военно-стра-

¹ М. Н. Тухачевский. Избранные произведения, т. I, М., 1964, стр. 224.

² М. Н. Тухачевский. Избранные произведения, т. II, М., 1964, стр. 4.

тегических планов основывалась на задачах, которые ставила политика.

В период диктатуры якобинцев Конвент осуществлял также принцип единого политического руководства армией и войной. Конвент оперативно связал это с деятельностью Комитета общественного спасения, где вырабатывался общий план ведения войны, отдельных кампаний или походов, решались сложнейшие вопросы комплектования, снабжения армии, офицерского состава и т. д.

Вот перечень главных проблемных вопросов, которые автор пытался посылить правильно осветить в процессе изучения истории армии Великой французской буржуазной революции.

Настоящий диссертационный труд явился первой попыткой монографического изучения проблемы армии Великой французской буржуазной революции на основе марксистской методологии.

ГЛАВА I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Во время работы над трудом автор исходил из основополагающих положений классиков марксизма-ленинизма, высказанных относительно вопросов войны, армии, роли армии в революционных войнах.

Кроме основных сочинений классиков марксизма-ленинизма, автор использовал отдельные сборники их трудов, посвященные специальным военным проблемам¹.

Для исследователей истории французской буржуазной революции в отношении доступа к первоисточникам положение сравнительно удовлетворительное; общезвестно, насколько высоко стоит во Франции дело публикации первоисточников, в частности и тех документов, которые касаются истории французской революции. В этих публикациях содержится достаточное количество материалов и о проблеме армии.

Нами были изучены почти все публикации такого харак-

тера, как „Archives parlementaires“¹ Buchez et Roux „Histoire parlementaire de la révolution française.“, знаменитые публикации документов Олара о деятельности якобинского клуба и Комитета общественного спасения, сборники документов Поля Мотуше, Дювержье и много других, а также специальные публикации документов, касающихся армии и войны, например: „Monument à la gloire nationale ou collection générale des Proclamations, Rapports, Lettres et Bulletins de la guerre de la révolution, en 1792 jusqu' en 1815. Paris, 1818. tt. I—II; переписка Лазаря Карно, письма добровольцев, изданные Цикардом и др.

Использована была пресса и мемуарная литература.

Кроме французских публикаций, мы использовали и публикации, изданные на русском языке. Например: Г. Ландауэр, Письма о французской революции, М., 1925, т. I—II; «Французская революция в провинции и на фронте (Донесения комиссаров Конвента) под ред. А. К. Дживилегова; «Революционное правительство в эпоху Конвента (сборник материалов и документов) под ред. Н. М. Лукина, М., 1922; Марат. Избранные произведения, М., тт. I, II, III, 1956; Робеспьер. Избранные произведения, М., тт. I, II, III, 1965; Робеспьер. Революционная законность и правосудие (статьи и речи), М., 1959; Переписка Робеспьера (составил Мишов), Л., 1922 и т. д.

В первой главе дается подробное описание опубликованных первоисточников. Особое внимание уделяется анализу и описанию того материала, который является новым и в научной литературе использован лишь частично или вовсе не использован.

На основании новой интерпретации уже опубликованных документов и литературы о Великой французской революции можно было бы в интересующем нас аспекте осветить поставленную нами проблему. Но созданный таким путем труд не был бы полноценным.

К сожалению, мы не имели возможности использовать многие неопубликованные документы, хранящиеся в архивах и книгохранилищах Франции и других стран. Нам известно,

¹ Мы располагали последним (85) томом «Archives parlementaires», изданным в Париже в 1965 г. Составителями этого тома являются Жорж Лефевр, Марсель Рейнар и Марк Булазо. Этот том мы получили непосредственно от господина Булазо из Парижа и от имени Института Великой французской революции Сорбонского университета. Опубликованные в этом томе документы датируются февралем и мартом 1794 г. и пока в научных кругах не использованы.

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, М., 1958; В. И. Ленин. «О войне, армии и военной науке», М., 1965; В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), М., 1957; «О военно-теоретическом наследии В. И. Ленина», М., 1964; П. Н. Азовцев. Военные вопросы в трудах В. И. Ленина, М., 1964.

например, что в архивах Франции имеется еще нетронутый материал, который касается изучаемого вопроса. Некоторый такой материал рекомендует Марсель Рейнар. Так, например, для определения политических настроений офицерского состава ему кажется необходимым изучить личные дела офицеров, которые были введены 1 термидора второго года Республики по инициативе Лазаря Карно на основании приказа Комитета общественного спасения. Это были учетные карточки специального назначения, где были указаны — фамилия, имя, отчество, год и место рождения, социальное происхождение, занятие родителей, краткая картина служебной деятельности и ее характеристика, образование и в заключение, что немаловажно, справка о патриотичности офицера. Такие карточки в значительном количестве хранятся в Национальном архиве Франции (Arch. Nat. AF-200; Arch. Nat. AF-204). По мнению Рейнара, изучение этих карточек дает возможность определить социальный облик офицера и тем определить его политическое реноме. Не менее интересны также и почти подобные справки о добровольцах, которые хранятся в архивах отдельных департаментов и административном архиве Военного министерства (напр., Documents manuscrits; Archives de la Guerre, n°-2329).

Но обнаруженные нами новые неопубликованные первоисточники, хранящиеся в архивах и книгохранилищах Советского Союза, по нашему мнению, имеют не менее важное значение, чем, например, материал, рекомендованный Марселем Рейнаром.

Известный советский ученый проф. В. М. Далин оказал большую услугу автору тем, что указал на существование в Центральном архиве Института марксизма-ленинизма еще неизученного и нерасшифрованного важного материала. Это архив известного деятеля эпохи французской революции Эммери¹.

Жан Эмиль Клод Эммери (1742—1823), по профессии адвокат, был избран в 1789 г. депутатом Учредительного собрания. Он был видным членом Военного комитета Собрания и исполнял обязанности секретаря этого Комитета. Эммери сыграл значительную роль в деле реорганизации военного ведомства Франции. В период террора он был репрессирован. После 9 термидора он вновь на политической арене, впоследствии способствовал перевороту 18 брюмера. При Наполеоне Эммери заметно возвысился, стал членом Государственного совета, участвовал в редактировании гражданского кодекса. С 1803 г. он сенатор, удостоен графского титула. В 1814 году

он оказался среди отколовшихся от Наполеона и, как сенатор, подписал акт отречения императора. В период «ста дней» он возвращается в Гос. Совет; при реставрации Эммери вновь занимает видное место в политической жизни Франции и достигает звания пэра. Интересно отметить, что в свое время Эммери голосовал против маршала Нея.

Находящийся в архиве «фонд Эммери» состоит из нескольких сот дел. Кроме материала, касающегося периода французской революции, здесь имеется уникальный материал относительно правления Наполеона, в частности о нападении последнего на Россию. Материал о военной политике французской революции в этом фонде датируется 1789-1792 годами.

Изученные нами дела составляют более 2000 рукописных листов¹.

В фонде хранится личный семейный архив самого Эммери, изучение которого, без сомнения, будет иметь большое значение.

Как попал этот уникальный французский материал в русский архив, пока ответить трудно. По мнению сотрудников архива и проф. В. М. Далина, этот материал, возможно, был приобретен в 20-х годах нашего столетия непосредственно известным коллекционером Рязановым или при помощи его сотрудников.

В изученных нами документах наибольшее внимание заслуживают многочисленные проекты реорганизации армии, авторами которых являются как официальные, так и частные лица.

Проекты составляют люди разных профессий (военной или гражданской), ранга и социальных слоев, начиная от генерала и кончая церковным певчим. Эти документы дают возможность определить общественное мнение, которое создано было вокруг проблемы организации новой армии, определить отношение к проблеме армии разных социальных и политических кругов, раскрыть острую классово-политическую борьбу, которая происходила в сферах военной политики.

В архиве Эммери хранятся много докладных записок, в которых описано положение в армии. В архиве имеются постановления и директивы относительно армии, законодательных и исполнительных органов власти как центральной, так и провинциальной.

Личные письма, заявления, жалобы частных лиц и военнослужащих представляют определенный интерес для исследования.

¹ ЦПА. Фонд 318. Дела №№ 3, 14, 16, 17, 22, 25—36, 38—40, 45—50, 55—56, 59—61, 63—64, 70, 72, 74—83, 86—87, 91—95, 97, 103—121, 140—141, 147, 154—197, 210, 226—281, 587—646, 648—655, 658—660 и др.

¹ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Центральный партийный архив, фонд 318. «Дело Эммери».

Фонд Эммери содержит официальный и неофициальный материал, который касается конкретных вопросов реорганизации армии (снабжение, финансирование, жалование, жилищные условия, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т. д.)

В Архиве имеются несколько меморандумов, дающих возможность составить представление об официальном мнении (короля, министров, Собраний, военного комитета и т. д.) относительно состояния армии и объяснении причин революционного настроения (неповиновение и др.).

Определенное количество дел фонда Эммери использовано нами частично, поскольку они не имели прямого отношения к нашей проблеме (об организации военно-медицинской службы, домах инвалидов, обеспечении военнослужащих пенсиями, реорганизации военно-штабной службы, укомплектовании и финансировании новых соединений, обеспечении армии фуражом, продуктами, лошадьми и т. п.).

Работа над фондом Эммери представляла определенные трудности технического характера. Перед нами лежали нерасшифрованные рукописи, написанные разным почерком (часто неграмотно) на разных диалектах, устаревшими нормами французского языка.

У нас была возможность изучить еще один интересный материал. Мы имеем в виду хранящиеся в Архиве внешней политики России (АВПР) некоторые первоисточники, в первую очередь переписку русского посла во Франции И. М. Симолина со своим правительством.¹

Как известно, этот фонд давно обнаружен и многократно использован советскими учеными, к тому же большинство материалов этого фонда расшифровано и издано.²

Переписка Симолина для изучения французской революции представляет весьма большой интерес. Она касается почти всех вопросов французской революции, в том числе и армии.

Однако источники, освещающие проблему истории армии,

в целом еще не использованы. Поэтому мы сочли необходимым заново пересмотреть фонд Симолина и обнаружили в нем немало интересных материалов.

Мы имели возможность познакомиться и с другими интересными материалами, хранящимися в разных книгохранилищах Советского Союза. Это — изданные в разный период французской революции печатные издания, разного характера документальный материал и другие первоисточники. Например, послания на имя Собраний, обращения (adresse), которые были составлены разными политическими группами, клубами, общественными организациями, частными или официальными лицами, речи (discours), которые произносили деятели революции в клубах, обществах, собраниях и т. д., мнения разных лиц по животрепещущим вопросам революции, многочисленные предложения (motifs), письма (lettres), памятные записки (mémoires), прошения, петиции, проекты, инструкции, отчеты, памфлеты, брошюры, пасквили, песни, пьесы, альманахи, листовки, карикатуры и т. д.

Несмотря на то, что они издавались в огромном количестве в период революции, сейчас этот материал трудно собрать воедино, многое утеряно, многое хранится в частных коллекциях. Даже во Франции эти материалы до сих пор полностью не систематизированы.

Дело в том, что в период революции их собиранием и хранением никто не занимался. Много стало жертвой времени. Между тем в условиях России эти документы нашли немало собирателей, и в книгохранилищах России они представлены в достаточном количестве. Среди них немало уникальных изданий, которые сегодня представляют библиографическую редкость. Такими собирателями являются в первую очередь русские коллекционеры. Среди них особенно выдвинулись в свое время представители известного рода Воронцовых. Например, Семен Воронцов (посол России в Англии в период революции) по политическим соображениям, а иногда как библиофил, сам или с помощью своих агентов собирал этот ценный материал. Известно, что он посылал его в Петербург своему брату Александру. А тот, в свою очередь, с целью приобретения такого материала переслал советнику русского посольства Машкову крупную сумму в размере 2400 фунтов.¹

В настоящее время этот материал разбросан по различным книгохранилищам Советского Союза, в основном — в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ленинградской библиотеке Академии наук (БАН), в библиотеках Ленинградского отделения Института истории АН СССР

¹ Архив князя Воронцова, т. XIII, стр. 481

1. Архив внешней политики России (АВПР), фонд «Сношения России с Францией». Опись 96/8, дела №№: 404-467, 468, 474, 477-479, 487-489, 502, 510-511, 517, 652-653, 656-660, 711-713, 716-718, 879-882, 888-890, 891, 954-957, 968, 986, 988, 1000-1001, 1025-1027, 1036, 1039, 1042-1047, 1049, 1053, 1056-1057, 1060-1061 и др. Фонд «Архив парижской миссии», дело № 1.

2. Несколько писем Симолина было опубликовано в 1875 году. «Русский архив», 1875, № 8. Значительная часть архива Симолина была издана в 1937 году. См. сборник «Литературное наследие», № 29-30. М., 1937; «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла И. М. Симолина». В журнале «Красный архив» в 1939 г. было опубликовано еще несколько донесений Симолина (см. № 4 (95)).

(ЛОИИ), им. Салтыкова-Щедрина, им. В. Л. Ленина, Московской исторической публичной библиотеке, библиотеке Одесского университета и т. д.

Выявление, подбор и собирание такого материала является технически трудным делом. В этом отношении большую работу проделала Р. М. Тонкова-Яковкина, которая составила библиографический указатель материала, разбросанного в разных библиотеках Советского Союза¹.

Каталог содержит более 8 тысяч названий, из которых 600 касаются интересующей нас проблемы; значительная их часть не была использована в научной литературе. Многие из этих материалов являются уникальными и даже не указываются в библиографических справочниках по истории французской революции, изданных во Франции.

Нами использован также разнообразный ценный материал, который был опубликован в разных исторических и архивных сборниках и журналах дореволюционной России.

Известно, что в период французской революции в России появилось большое количество французских эмигрантов, среди них был, например, офицер королевской армии Шевалье Андебар Д'Егила.

В начале революции он находился во Франции, непосредственно пережил события тех дней, вел дневник и свою рукопись преподнес Александру I. Этот дневник содержит очень интересные сведения о первых днях революции, настроениях в армии и ее отношении к революционным событиям. В 1886 г. этот материал был опубликован М. Любимовым с соответствующими комментариями («Русский вестник», сентябрь).

Несколько раньше, в 1877 году, в журнале «Русский архив» (№№ 8, 9) был опубликован интересный материал, относящийся к истории французской революции, а частично к военной политике революции и состоянию армии. Это были докладные и сообщения русского посла в Турине князя А. М. Белосельско-Белозерского на имя вице-канцлера Остермана.

Мы имели возможность использовать еще один весьма интересный материал, который обнаружил и опубликовал в 1892 году известный русский ученый Максим Ковалевский. Это — письма на имя венецианского сената и государственных инквизиторов от послов Венеции, которые были аккредит-

¹ Этот ценный каталог пока не издан. Напечатанный на машинке и состоящий из нескольких томов, он хранится в Институте истории АН СССР. «Сводный каталог печатных изданий французской революции конца XVIII века, хранящихся в книжных фондах СССР», составлен Р. М. Тонковой под ред. Ф. В. Потемкина, Институт истории АН СССР, отдел рукописных фондов, сектор «Д», раздел VII, д. I.

тованы в Париже во время революции. Мы почерпнули из этих писем ценные сведения по интересующей нас проблеме («Историческое обозрение», 1892, т. IV).

В 1875 г. в журнале «Русская старина» (июнь (VI), июль (VII)) был опубликован перевод рукописи французского анонимного автора. Рукопись датируется 1808 г. и является ценным источником о французской армии. Рукопись передана журналу председателем Киевской археографической комиссии М. Т. Юзефовичем. Он нашел эту рукопись в архиве своего дяди, генерала Александра I. Автор рукописи был образованным человеком, он дает очень интересный анализ военной политики эпохи революции и искусно раскрывает сущность новой армии (в основном с позиции либерального монархиста).

В 1891 г. («Русский вестник», т. 216; см. также «Исторический вестник», т. XLV) на русском языке была опубликована часть мемуаров генерала Марбо (сына), где даны интересные сведения о настроениях офицеров эпохи французской революции. Здесь же имеются некоторые данные о знаменитом генерале Марбо (отце).

В 1906 г. («Русская старина», т. 128 (X, XI, XII)) на русском языке был опубликован интересный первоисточник — мемуары офицера-роялиста графа Эстергази, которые содержат сведения о состоянии французской армии.

Интересные наблюдения имеются у Н. М. Карамзина, который в период революции путешествовал по Франции и был непосредственным свидетелем событий.

Некоторые интересные материалы находим в архиве Воронцовых (кн.: 9, XII, XIII), письмах канцлера Безбородко (Сб. ИРИО, тт. 26, 29), дневниках личного секретаря Екатерины II Храповицкого и т. д.

Некоторые материалы были изданы после революции. Так, в 1924 году («Анналы», журнал Всеобщ. ист., т. IV) были опубликованы письма графа В. Кочубея, где имеются некоторые сведения о революционной армии и революционных войнах.

Определенный интерес представляет материал, опубликованный в журнале «Красный архив» (1939, № 3 (94)) под названием «Великий страх в Оверне».

В отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина хранятся ценные материалы о французской революции. Это — собрание личных писем русского аристократа В. Б. Голицына и его супруги Н. П. Голицыной (дочери известного русского дипломата П. Г. Чернышева). Большинство этих писем в переводе Е. Н. Рунича и с комментариями О. Д. Старосельской-Никитиной было опубликовано. (См. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отде-

ла рукописей (Французская буржуазная революция 1789-1794 гг.). Выпуск VII, М., 1941). Семья Голицыных в период революции проживала во Франции.

Особого внимания заслуживают письма секретаря и управляющего Голицыных Оливье на имя Н. П. Голицыной из Парижа в Лондон, где она временно находилась.

Оливье обнаруживает определенные способности политического наблюдателя. В своих письмах он детально и порой убедительно анализирует революционные события во Франции, одновременно затрагивает вопрос о французской армии и в этой связи сообщает много интересных фактов.

Так же интересны письма на имя Н. П. Голицыной, автором которых считается проживавший в Париже иезуит Хокер. Он выступает в роли политического информатора Голицыных и в своих письмах дает весьма ценные сведения об интересующем нас вопросе. Однако материал, почерпнутый из писем Хокера, требует особенно критического подхода, так как Хокер — типичный монархист и реакционер.

* * *

О военной политике французской революции, строительстве армии, организации обороны страны, ведении революционных войн имеется колоссальная иностранная литература — в основном на французском языке, а также на немецком, английском и др. языках. Основная часть этой литературы оказалась для нас доступной, в том числе и новейшая литература (как монографии, так и отдельные научные статьи)¹.

Существующую специальную литературу по интересующему нас вопросу условно можно разделить на несколько групп.

К первой группе можно отнести литературу, посвященную общей истории военного искусства, где новым буржуазным армиям вообще и армии Великой французской революции в частности уделяется незначительное внимание и притом вопрос рассматривается в аспекте военной истории. Как исключение можно назвать, например, работу Ф. Меринга и частично, труды Клаузевица и Дельбрука. К этой же группе литературы можно отнести исторические исследования, которые непосредственно посвящены истории французской армии и ее военному искусству. Их авторы в основном принадлежат к во-

¹ С целью установления точного списка новейшей литературы по данному вопросу мы связались с Институтом Великой французской революции Сорбонского университета и лично с профессором М. Рейшаром. Ввиду его болезни уточненный список новейшей литературы прислал нам сотрудник указанного института М. Булазо (через посредство доктора исторических наук И. М. Табарга).

енным кругам (Револь, Луи Сорель, Вейган и др.) и исследования ведутся ими в основном в аспекте вопросов военной истории.

В их трудах ярко проявляются преувеличение роли армии и вообще военной силы; французская армия представлена в них как абсолютно аполитичная сила, каждый солдат, независимо от социального происхождения, знает только один политический феномен — родину.

Однако имеются и труды, в которых дается оригинальная и иной раз убедительная оценка событий. Так, например, Шарль де Голль, несмотря на некоторые преувеличения, правильно оценивает роль армии в революции и считает, что без поддержки армии революция не могла бы свершить свои дела¹. По мнению Луи Сореля, французская армия, как и всякая армия, является продуктом политической и экономической жизни, которую она защищает².

Естественно, что наше внимание особо привлекала литература, которая непосредственно касается истории армии, войн и вообще организации обороны страны эпохи французской революции. Эта литература относится преимущественно к категории военной истории, в которой проблема армии в основном ставится в узком разрезе, рассматривается с военной точки зрения, а поэтому она имеет меньшее значение для нашего исследования. Группа таких произведений достаточно обширна. (Привлекают внимание труды Сервана, Русселя, Гюго, Жюмпили, Мюсе-Патая, Бланшара, Ля Бедолиера, Виене, Гафареля, Дюмолина, Дюрюн и др.). Подобная литература существует на английском, немецком и других языках.

Многочисленна также группа той специальной военной литературы, в которой представлены труды, отражающие конкретные вопросы военной истории революционной армии Франции. Об отдельных войнах, сражениях и кампаниях рассказывают труды Кутансо, Люппи, Генекена, Фервеля, Леграна и др. Сравнительно широко представляется литература, относящаяся к проблеме «добровольцев». Этому вопросу касаются Шаген и Эне, Буасонад, Крево, Депре, Дюмон, Лестриел и др. Существует интересная литература, рассказывающая об армии эмигрантов; имеется также литература, касающаяся отдельных соединений новой армии и личного состава армии.

Можно выделить еще одну группу литературы, отражающую военную историю, жизнь и деятельность отдельных военных лиц. Такими являются исследования Жоржа Сикса, Бональ де Ганжа, Бервиля и Барьера, Крюплита, Шукке, Дес-

¹ Charles de Gaulle, *La France et son armée*, Paris, 1945, p. 48.

² Louis Sauré, *„L'Armée française...“*, Paris, 1937, p. 1.

пре, Альбера Сореля, Марта Бекера, Ноэля Парфе, Паколя и др.

Интерес представляет и литература, в которой говорится о королевской армии и ее кризисах (Дюсне, Кариан-Низас, Фиеф, Мансон, Дюрюи, Андре Корвизие, Шальмен и др.).

Наше особое внимание привлекала и та группа специальной литературы, которая рассматривает проблему армии не только в аспекте военной истории, но и как одну из составных частей гражданских историй вообще, где тема армии и войны разрешена на общем фоне гражданских историй и где представлены те мероприятия, которые осуществлялись во время революции с целью организации армии и успешного поражения врага. Тут же надо отметить, что в этих трудах, как правило, рассматриваются лишь факты политического порядка, сама армия выступает главным образом как феномен политического характера, почти не уделено места явлениям социальной и экономической категории или же они представлены в бледных тонах и при этом, как уже отмечалось, здесь исключается основное и главное — революционно-творческая роль французского народа в организации новой армии и в деле победы над врагом.

История развития военного искусства представлена преимущественно как обычный эволюционный процесс. Проводится непрерывная линия, допустим, между Тюреном, Конде, Лувуа, Гоша, Карно, Моро и Наполеоном и даже между Карлом Великим, Фридрихом Великим и Наполеоном.

Историки «периода реставрации» главную роль в решении проблемы армии придают как отдельным личностям, так и различным органам (Учредительному и Законодательному собраниям, Конвенту, Комитету общественного спасения и др.). Нужно отметить, что эта тенденция широко проявляется в буржуазной историографии и в дальнейшем. Вскоре, особенно после франко-прусской войны, реваншистски настроенное французское общество и его историография выступают апологетом французского милитаризма. Вследствие этого происходит всесторонняя популяризация былых успехов французского оружия, возвеличения руководителей революционной армии и т. д.

В период роста французских колониально-империалистических стремлений милитаристические тенденции чувствуются еще сильнее. Идеализация французских военных успехов превращается в обыкновенную моду, вместо критического изучения хода явлений, проявляется ярко выраженный субъективизм. Военный талант, мужество и отвага солдат объявляется категорией природных, душевных качеств. Отныне весьма мало обеспокоены, например, выяснением объективных условий чудотворного мужества французского революционного

солдата. Вопрос разрешался очень просто: французский солдат мужествен потому, что в его жилах течет французская кровь; он отважен потому, что это его качество является природным качеством человека, рожденного французом, а если Пруссия победила Францию, то причиной тому является бездарность генералов, слабость правительства и т. п. Проявлялась еще одна тенденция, утверждавшая, что французская нация никогда не являлась агрессором, а если и нападала на других, то только в целях самозащиты (Альбер Сорель, Вандаль).

В таких условиях французская революционная армия и войны являлись для историков лишь объектом хвалы и, естественно, не приходится ожидать беспристрастного повествования.

Однако определенная часть французских историков сохранила умеренность при освещении истории образования новой армии и успехов войн революционной Франции. Она уделяла должное место показу объективных условий. Но большинство таких исследований освещает ход явлений с позиции буржуазно-либеральной историографии и лишь небольшая часть стоит на буржуазно-радикальной позиции.

В процессе работы над диссертацией мы ознакомились с трудами следующих историков: Шасен, Шуке (его труды относятся преимущественно к сфере военной истории, но в них содержатся некоторые заслуживающие внимания положения, которые дают возможность осмыслить ряд вопросов истории армии с интересующей нас точки зрения), Д'Отерив, Юнг, Карон, Гартман, Ерло, Марсель Рейнар, Леонар, Бушар и др.

Среди буржуазно-радикальных историков заслуживают внимания Матез и Жорж Милюп. Камиль Ришар посвятил свои исследования вопросам военной промышленности. Исследования Поля Рейноара рассказывают о вкладе рабочих национальной мануфактуры в дело революционной самозащиты. Военных действий революционных клубов и обществ касается Дюфай. Взаимотношение армии и национальной гвардии разбирает историк П. Пуасон, деятельность комиссаров Конвента описывают Бональ де Ганж, Брюаль, Жак Годшо и др.

Особого внимания заслуживают соображения Жана Жорреса, которые он обосновал в известном труде «Новая Армия», представляющем, по нашему мнению, новый этап в деле изучения истории армии Франции.

Значительным явлением нужно считать появление на арене французской историографии (особенно после второй мировой войны) историков, стоящих на марксистских методологических позициях. Историки этой группы не только не игнорировали проблему новой армии Великой французской рево-

люции, а, наоборот, они по-новому ставили и освещали ее, что явилось смелым шагом вперед.

В этом отношении отличается Альбер Собоуль, который свои научно-популярные очерки, написанные об армии, попытался изложить в марксистском освещении.

Предшественником его в этом деле был знаменитый деятель коммунистического движения Жюль Леверье (Юлон Брун-Бронович), который был первым, кто попытался осветить историю армии с марксистских позиций в своем научно-популярном труде, изданном в Париже в 1939 году.

Мы использовали также статьи, изданные в разное время в французских (отчасти немецких и английских) журналах и сборниках, которые касаются тех или иных интересных для нас вопросов. Из них привлекают внимание следующие авторы: Дюрюи, Мишон, Эрло, Руффанди, Марлон, Ришар, Жерар, Шальмен, Видаланс, Рейнар, Годшо, Руже и другие.

* * *

Общезвестна заслуга в деле изучения истории французской буржуазной революции, которая принадлежит т. н. «русской школе» (école russe). На русском языке существует и литература (преимущественно научно-популярного характера), касающаяся проблемы армии. Историей армии французской революции в России заинтересовались уже в XIX веке. Выдающиеся успехи этой армии удивили весь мир. Прежде всего, в официальных и военных кругах постарались разгадать тайну этой «странной» армии (она абсолютно не подчинялась установленным и общепризнанным нормам). Ясно, что им была непонятна социально-классовая природа этих «чудес», их экономические и политические основы.

Представители европейской военной школы успехи французской армии считали фактором надстроечным, т. е. объясняли их новыми военными уставами, новшествами тактического и стратегического характера. Признавали также боевой энтузиазм французского солдата, его самоотверженность, т. е. то, что ясно было видно, хотя не понимали причины появления качественно нового солдата.

Эти тенденции замечаются в первых трудах о новой армии Франции, появившихся в начале XIX века. Первая книга на русском языке была опубликована в 1808 году. Это был перевод французской книги Теодора Фабера «Замечания о французских войсках последнего времени начиная с 1792 года по 1808», СПб.

В 1864 году была издана диссертация штабротмистра Витмера, освещающая историю французских революционных войн. Труд относится к сфере военных историй. Здесь, главным образом, рассматривается кампания в Италии 1800 года, до

сражения при Маренго. Во вступительной части диссертации автор старается объяснить причины успехов французской революционной армии, которые, по его мнению, были обусловлены новыми военными учреждениями, патриотизмом и талантом новых полководцев.

В сентябрьском номере журнала «Русский вестник» за 1886 год были опубликованы воспоминания Д'Егиля с замечаниями его издателя Н. Любимова, в котором последний обосновывает свои соображения о новой армии Франции и предлагает явно правомарксистскую трактовку.

О революционной армии Франции рассказывается в известном юбилейном издании «Отечественная война и Русское общество» (имеем в виду статьи Ф. А. Бутенко и А. А. Рябинина).

В 1914 году в журнале «Голос минувшего» (№ 9) напечатано письмо А. Васютинского о революционной армии Франции. Первая часть письма является краткой хроникой французских революционных войн. Во второй части разобран сборник писем добровольцев, составленный Пикардом.

В 1917 году в Петрограде был опубликован несколько претенциозный очерк Б. Мирского о французских революционных войнах. Труд представляет попытку рассмотрения проблемы армии и войн в философско-психологическом (преимущественно идеалистическом) аспекте. В 1919 году вышла книга В. Третьякова, в которой автор рассматривает революционные войны с точки зрения военной стратегии и тактики.

В историографии советского периода первая книга о новой армии Франции принадлежит А. А. Дживилегову («Революционная армия и ее вожди», М., П-град, 1923). Книга является популярным очерком, но в ней высказаны интересные соображения. В труде имеется также существенный недостаток, который был замечен еще первым рецензентом этой книги — известным советским историком академиком Н. М. Лукиным. Так, по мнению Дживилегова, якобинская армия — это была армия «без политики».

Одновременно с книгой Дживилегова вышла научно-популярная книга академика Н. М. Лукина о новой армии Франции («Из истории революционной армии», М., 1923). Мы считаем, что именно с этой книги в советской историографии начинается история марксистского изучения революционной армии и революционных войн. Вопросам французской армии Н. М. Лукин отводит значительное место в столь же интересном исследовании «Максимиллиан Робеспьер».

В работе Лукина говорится о значении новой армии, о возникновении и ходе войн; вместе с этим достаточное место уделяется и чисто военной истории. Показана роль народа и народных организаций, дается классовый анализ военной

политики буржуазии и т. д. Армия, по мнению автора — это военная сила, защищающая страну от врага. В меньшей мере показана роль армии во внутренней жизни.

О революционной армии и истории войн имеются и другие популярные очерки, брошюры и статьи, авторами которых являются В. Бирюкович, Ю. Маковский, Х. Момджян, И. Снежков, В. Стабулов и другие.

Как видим, имеющаяся специальная литература на русском языке сравнительно невелика, но и та в основном популярного характера. Среди советских историков вопросами истории французской революционной армии в основном занималась ленинградский ученый М. А. Буковецкая, которая еще в 1924 г. («Аппалы», журнал всеобщей истории, № 4) опубликовала первую статью по данной теме («Разложение королевской армии в первые годы Великой французской революции»), а затем еще несколько научно-популярных статей. Она же является автором тех разделов советского академического издания истории Великой французской буржуазной революции, которые посвящены армии. Наконец, данному вопросу посвящена ее кандидатская диссертация (Очерки по истории французской армии во время Великой французской революции (1789-1793) Л., 1944).

Диссертация М. А. Буковецкой касается в основном вопросов организации новой армии. Приведенный в диссертации фактический материал (весьма интересный сам по себе) не всегда доработан и обобщен в должной мере. Поэтому некоторые части диссертации оставляют впечатление хрестоматии. Архивный материал не использован, работа построена в основном на материалах «Archives parlementaires». Очень бедно выглядит библиографическая часть, если не считать упоминания некоторых работ, посвященных биографиям военных деятелей революции. История создания новой армии в диссертации представлена в основном в период Учредительного и Законодательного собраний, наиболее же интересный период организации новой армии — период диктатуры якобинцев — выглядит весьма бедно (работа состоит из 22 глав, из коих к периоду якобинцев относятся лишь две последние). Работа заканчивается 1793 годом, в то время как последующий, 1794 г. является весьма интересным периодом истории армии (тут революционная армия в основном заканчивает свою миссию, начинается метаморфоза армии, революционные войны принимают захватнический характер). Несмотря на все это, работа М. А. Буковецкой представляется весьма полезной, а она остается пионером научного изучения французской революционной армии в нашей стране.

Тут же следует отметить, что хотя у нас по данному вопросу отсутствуют специальные исследования, но советским

историкам (в том числе и военным историкам) и юристам принадлежат весьма интересные высказывания по отдельным вопросам истории армии французской революции и революционных войн. Конкретным вопросом данной проблемы ими посвящены отдельные статьи и исследования.

Так, например, Н. И. Чупрун посвятил интересное исследование военной деятельности Сен-Жюста. Значительные сведения о новой армии содержатся в монографии проф. Н. Левинского, посвященной полководческому таланту Наполеона. Следует отметить статью И. Фенделя о комиссарах Конвента и работу советского юриста проф. С. Булатова о военно-морском уголовном законодательстве конститuanты. В частности, интересные данные содержатся в его докторской диссертации «Военно-уголовное законодательство французской революции». Несмотря на то, что в свое время эта работа не получила одобрения, она представляет определенный вклад в изучение истории французской армии.

Заслуживает внимания работа известного советского юриста Е. Коровина «Французская буржуазная революция 1789 года и законы и обычаи войны», а также его статья о диверсиях и шпионаже во время французской революции. Очерк Ф. И. Когана посвящается генералам-изменникам.

Немало интересных высказываний по данной теме мы находим в очерках известного советского историка проф. А. Л. Нарочинского, посвященных внешнеполитическим вопросам французской революции. Естественно, при анализе сложнейших вопросов внешней политики, автор стал перед необходимостью коснуться и проблемы революционной армии и революционных войн. К чести автора следует сказать, что он весьма интересно осветил многие спорные и неизученные вопросы данной проблемы и дал на них положительные ответы в свете марксистской методологии.

Много статей и очерков было посвящено заслугам в деле обороны страны представителей науки и техники (П. Кудряцев, О. Старосельская-Никитина, С. Вавилов, В. Виргинский и др.).

Французской революционной армии и революционных войн касаются авторы общих курсов военной истории: до революции — И. Голицын, Пузиревский, Михневич, и др., после революции — Е. Разин и А. Строков. Вопросы новой военной стратегии и тактики рассматривают Е. А. Прокофьев, И. П. Гасс и др.

* * *

Несколько слов о периодизации. В гражданской истории проблемы армии излагаются по периодам общей хронологии революции. Так, проблема армии рассматривается по перио-

дам деятельности Учредительного собрания, Законодательного собрания и Конвента. Военные историки делят историю армии преимущественно по этапам становления новой армии, как-то: разложение старой армии, создание национальной гвардии, добровольцы 1791 и 1792 гг., массовый призыв, амальгама, всеобщий призыв и т. д. Часть историков историю армии излагает по хронологии крупнейших сражений и значительных военных событий. Примером этого служит история революционных войн Шукке.

В первом случае мы имеем дело с юридическими толкованиями военных институтов: такой подход втягивает авторов в область излишней детализации, суть явлений остается вне поля их зрения и, по меткому выражению Рейнара, они оказываются в плену искусственных построений. Не случайно, что большинство буржуазных ученых действительно оказалось в плену таких погрешностей. Разумеется, подобная периодизация является лишь следствием порочной методологии буржуазных историков.

Во втором случае периодизация служит непосредственно задачам военной истории и поэтому кажется нам более приемлемой.

В процессе рассмотрения армии в аспекте гражданской истории, трудно найти сколько-нибудь абсолютно совершенную форму периодизации, из-за сложного и весьма разнообразного характера как гражданской, так и военной действительности. Отсюда следует, что при определении основ периодизации нельзя абсолютно исключить момент субъективности. Таким образом, периодизация получает в основном условный характер, а глубина анализа фактов, раскрытие внутренней сути явлений, равно как и обобщения, будут находиться в прямой зависимости от научно-методологических позиций исследователя.

Наилучшим вариантом периодизации истории армии нам представляется схема проф. А. Левинского. По данной схеме этапы развития армии непосредственно связываются со стадиями развития революции.

Однако схема проф. А. Левинского ограничивается преимущественно вопросами построения новой армии. Наша же монография содержит попытку рассмотрения истории армии в различных аспектах. Наряду с историей становления армии, нас интересует ее революционная роль (преимущественно внутри страны, а частично и вне ее пределов), социально-экономические и политические предпосылки триумфальных успехов революционных войн, классовая сущность военной политики буржуазии и многое другое. В таких условиях еще более усложняется установление какого-либо общего критерия

периодизации. Следовательно, при всех вариантах та или иная схема периодизации все же остается условной.

Наиболее подходящим вариантом нам представляется деление революции на три этапа (1789—1792, 1792—1793, 1793—1794 гг.), и вопросы истории армии мы постарались осветить по этой хронологической канве.

Г Л А В А II

АРМИЯ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ. ВОЛНЕНИЯ В РЯДАХ АРМИИ § I. О РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОЛИ АРМИИ В БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Здесь, прежде всего, изложены взгляды классиков марксизма-ленинизма о революционной роли армии. Подчеркивается, что марксистско-ленинская стратегия рассматривает вооруженное восстание как высший этап народно-революционной борьбы; указывается, что кульминационная точка вооруженного восстания начинается с момента перехода на его сторону армии. Освещается вопрос о том, какое значение имела для победы революции дезорганизация старой армии, поскольку без дезорганизации армии не совершалась и не могла совершаться ни одна революция, ибо армия представляет собой «самый закорякелый инструмент» (В. И. Ленин) защиты старого строя.

Речь идет о том, что первой заповедью любой победоносной революции является ломка старой армии и замена ее новой, что без поддержки армии невозможна победа революции, нельзя говорить о серьезной революционной борьбе. Однако все это вовсе не означает, что революция должна быть доведена до понятия военного заговора. Решение великих исторических столкновений есть дело «масс народа и классов народа», осуществляемое ими путем всеобщего, общенародного восстания.

Подчеркивается, что в революции, которую в первую очередь осуществляют народные массы, большое значение имеет позиция армии, ибо она ускоряет или замедляет процесс гибели исторически обреченной общественной системы. Тут же рассматриваются вопросы взаимоотношений революционной армии и революционного правительства. Они должны быть координированы так, чтобы революционное правительство могло опираться на армию и руководить ею. При этом подчеркивается, что основным залогом успеха революции является единение революционных масс и армии. Тут же приводятся взгляды классиков марксизма о строительстве подлинно народной армии в условиях буржуазной революции, о причинах, обуславливающих борьбу между демократией и буржуазией

за создание армии, о социально-классовых предпосылках этой борьбы. Показывается, что создание собственной классовой армии победившей буржуазией является логическим следствием буржуазной революции и т. д.

§ 2. АРМИЯ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

В свете некоторых новых материалов и конкретных фактов, в этой части монографии излагаются причины братания революции с народом и отхода армии от «старого режима» с началом революции. Еще современники усматривали в единении революционных масс и армии залог успеха революции. «Точно каким-то чудом из земли выросла патриотическая армия в триста тысяч человек, состоящая из граждан всех сословий, к которой примкнули французская гвардия, швейцарцы и другие солдаты. Ужас, который внушает эта национальная армия, готовая пойти на Версаль, решила победу революции», — писал Робеспьер. Тут же подробно излагается оценка современниками исторического значения отхода армий, т. е. той трагической ситуации, в которой оказались сам король и «старый режим» в результате этих событий.

При этом подчеркивается заблуждение короля и верхушки «старого режима» в оценке настроения армии. Они не только не разобрались в сложившейся ситуации, но и не понимали происходящего в армии процесса брожения, были убеждены в ее верности и на этой зыбкой почве строили свой контрреволюционный план — задушить революцию в зародыше.

Стратеги Великой французской революции верно определили роль армии в успехе революции. Началась борьба за армию между верхушкой «старого режима» и сторонниками «обновления». Эта борьба детально освещается в монографии. Тут же показывается, как горько переживает верхушка «старого режима» отход армии, а также рассматриваются те мероприятия, к которым она прибегала для сохранения армии за собой. Описываются также методы, которыми пользовались революционеры для насаждения в армии революционного духа с целью ее «патриотизации».

Подробно излагается позиция армии в знаменательные дни июня-июля. Следует отметить, что в эти дни успехи Национального собрания были predeterminedены тем, что за спиной собрания стояли революционные массы французского народа и армия. Эта первая значительная победа была одержана благодаря единению народа и армии. В лице армии поборники «обновления» приобрели подлинного союзника.

В процессе преобразования армии идеологи обновления ведут борьбу в первую очередь за новый тип солдата — солдата-гражданина. При этом они стремятся установить гуман-

ную, сознательную дисциплину, исключая жестокость и слепое подчинение, царившие в старой армии. Король и контрреволюция ведут борьбу за сохранение старой армии без каких-либо изменений.

Борьба за «солдата-гражданина» — это не узкий вопрос, связанный с задачами построения новой армии, а составная часть широкой программы преобразования всей армии на новых началах. Эта борьба против системы феодального абсолютизма, стремящегося к сохранению солдата старого типа. Таким образом, проблема армии рассматривается в аспекте классовой борьбы как одна из важнейших задач революции.

В данном параграфе большое место отводится обзору отхода армии от старого режима. Движение, направленное против «старого режима» в армии, это не узкое, специфически военное движение, а конкретное проявление всенародной революционной борьбы. Народ и армия восстали против общего врага — феодализма и абсолютизма. С разрушением старого «сословного» режима, встал вопрос о ликвидации старой «сословной», «кастовой» армии.

Первое испытание в верности идеям обновления французская армия выдержала в критический момент революции — в первую половину июля 1789 г., когда судьба революции висела на волоске и контрреволюция рассчитывала на победу. Армия сорвала попытку дворца силами армии задушить революцию. Большое место отводится в работе уяснению позиции армии в июльские дни, в том числе и в дни взятия Бастилии. Освещены вопросы братания армии и народа по всей Франции. Июльские события рассматриваются как первая победа народа и его союзника — революционной армии над силами деспотизма.

14 июля знаменательная дата в истории Франции и ее армии. С этой поры становится ясным, что армия перестала быть подспорьем старого режима. Армия в союзе с народом спасла Национальное собрание и помогла крупной буржуазии в деле захвата власти и создания конституционной монархии.

Следует отметить, что революционеры с самого начала осознали важнейшее положение революционной стратегии о том, что революционную армию должно вести революционное правительство. На начальном этапе революции пока еще отсутствовало революционное правительство в полном смысле слова. его функцию частично выполняло Национальное собрание. Рядом с ним уже создается новый руководящий штаб революции, так сказать, «вторая власть» в лице общественно-революционных организаций и политических клубов, которые с самого начала уделяли большое внимание революционному воспитанию армии. Именно они развернули в широких мас-

штабах агитационную работу, которая в последующем переросла в целую систему и получила наименование политики «патриотизации армии».

В июльские дни функцию революционного правительства пока что также исполнял импровизированный орган в лице собрания избирателей 60 избирательных участков Парижа.

Национальное собрание своими декретами предприняло попытку осуществления нового принципа — учреждения контроля гражданской или законодательной власти над исполнительной властью и над армией. Другими словами, собрание задалось целью изменить тот порядок, по которому армия находилась во власти короля и представляла его послушное орудие. Это означало новый подход к взаимоотношениям армии и правительства, обострение борьбы за армию между Собранием и королем.

Борьба за армию между народом и монархом завершилась победой народных масс. Монарх потерял свою основную опору — постоянную армию. Этот факт имел огромное значение для подрыва королевской власти и дальнейшего подъёма революции. Уже современники понимали, что если армия выступит на стороне монарха против народа, то революция прекратилась бы в июле 1789 г., а задача ликвидации абсолютизма и феодализма отодвинулась бы в будущее.

Всё изложенное показывает, насколько беспомощным представляется утверждение реакционных кругов о том, что причиной июльского краха явилась лишь «нерешительность» короля. Следует отметить, что в дальнейшем эта несобоснованная версия была повторена многими представителями правой историографии (даже прогрессивный историк Матьез не смог избежать этого заблуждения). Конечно, нельзя отрицать, что Людовик XVI действовал нерешительно в столь критический момент для его монархии. Но дело в том, что эта «нерешительность» прежде всего вытекала из того, что монарх прекрасно видел отход от него армии.

Потеря власти над армией, ее неподчинение королю стали такими очевидными фактами, которые нельзя было предрепетить.

Не случайны также попытки дворца создать новые охранные отряды короля из царедворцев, камердинеров, лакеев и других служителей дворца. Граф Де-Моретон Шабрильян с той же целью создал отряд охранников даже из учащих королевской хирургической школы. Король был особенно озабочен переходом на сторону народа тех четырех сотен французских солдат, которых он держал в Версале.

Руководящие круги старого режима пережили глубокое потрясение, вызванное переходом армии на сторону народа. По поводу этого в архиве Эммери сохранился весьма интерес-

ный материал в виде различных меморандумов и официальных докладных записок. Официальные круги (в том числе и король) утверждают, что в отходе армии виновата губительная агитация «анархистов», «злоумышленников» (читай: «революционеров» — Г. К.), а также происки иностранных агентов и т. п. Король и другие официальные лица требуют от Собрания приостановить «разложение» армии, в противном случае погибнет отечество, трон и т. д.; армия, мол, должна остаться аполитичной силой, армия не должна иметь какую-либо самостоятельную, собственную волю; говоря языком одного меморандума, она должна стоять, как «каменный утес, как гора...» и ждать пока закон не призовет ее к действию; без слепого подчинения армия может превратиться в опасную силу и т. д.

В этом же параграфе рассматривается роль армии во время т. н. «муниципальной революции» в Париже и в других городах и районах Франции. Автор пытается показать, что в победе «муниципальной революции» в масштабе всей Франции крупную роль наряду с народом сыграла и армия. Плоды же народной победы присвоила буржуазия, которая оказалась во главе новой власти.

§ 3. «НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ» — НОВАЯ ФОРМА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Плоды народной победы буржуазии удалось присвоить в основном благодаря «национальной гвардии». В данном параграфе в свете некоторых новых фактов излагается конкретная история создания этой гвардии. Показано, что создание новой армии французская буржуазия начала разоружением народа и самовооружением, когда в июльские дни 1789 г. она под руководством Национального собрания и «постоянного комитета парижских избирателей» создала в Париже, а затем по всей Франции вооруженные отряды горожан-буржуа в лице буржуазной милиции или «национальной гвардии».

Организация «национальной гвардии» была обусловлена следующими причинами: 1) Буржуазия защищалась от ударов контрреволюционных сил феодализма и абсолютизма, которые стремились силами армии распустить Национальное собрание и в зародыше придумать революцию. 2) Наличие не менее страшной для буржуазии новой силы в лице вооруженного революционного народа. Перед революцией встал мучительный вопрос — «вооруженный народ» или «вооруженная буржуазия». Для подчинения народа и защиты частной собственности буржуазные руководители революции спешно приступили к вооружению имущих слоев французского общества. 3) Буржуазные руководители Национального собрания хоро-

шо видели, что отход армии от «старого режима» принял характер массового побратимства с народом. Социальная логика подсказывала буржуазии недоверие к старой армии, стоявшей по своей природе ближе к народу, чем к буржуазии. Тем самым обнаруживалось недоверие буржуазии к «одетым в шинели солдата» представителям народных масс.

Буржуазия пытается создать в лице «национальной гвардии» в социальном отношении более надежные для нее вооруженные отряды. Новая вооруженная сила должна была превратиться в орудие политического господства буржуазии, она должна была обеспечить установление «буржуазных порядков» в стране.

На начальном этапе революции эта сторона «национальной гвардии» еще не выделялась рельефно. Пока что противоречия между революционной демократией и буржуазией не приняла острого характера, их еще связывало единство интересов в борьбе против общего врага — феодализма и абсолютизма. При этом на данном этапе революции буржуазная собственность не подвергалась опасности, если не учитывать отдельные случаи воровства и грабежа, совершаемые криминальными элементами. Пока еще не обострилась борьба между богатой и бедной Францией. На этом этапе даже Робеспьер не разобрался в буржуазно-классовом характере «национальной гвардии».

Созданием «национальной гвардии» буржуазия успешно решила весьма серьезную для себя задачу — рядом с «вооруженным народом» встала «вооруженная буржуазия». После этого буржуазия приступает к решению другой не менее важной задачи — к разоружению вооруженного народа.

В «национальную гвардию» принимали только «активных» граждан. Наряду с этим гвардеец сам должен был приобрести себе оружие и обмундирование; это обстоятельство с самого начала предопределило социальный состав гвардии — в нее вступали представители имущей Франции.

Примечательно, что в составе гвардии наряду с буржуазией мы видим многих аристократов и даже духовных лиц. Дворянство особо широко было представлено в провинциальных соединениях «национальной гвардии», и это вполне понятно, ибо буржуазия охраняет себя прежде всего от городских плебеев, в то время как дворянство пытается «поддерживать порядок» в сельской местности. Следует добавить, что в «охране порядка» в сельской местности, или в действиях против крестьянских восстаний буржуазия играет не менее активную роль. «Национальная гвардия» явилась своеобразным подтверждением антинародного классового блока крупной буржуазии и либерального дворянства Франции.

Первейшей задачей победившей буржуазии явилось соз-

дание конституции, обеспечивающей политическое господство буржуазии и неприкосновенность частной собственности. «Национальная гвардия» должна была явиться основным орудием при решении этих задач.

Наряду с частями «национальной гвардии», состоящими из граждан-добровольцев, были созданы т. н. наемные отряды «национальной гвардии», которые формировались преимущественно из солдат старой армии, перешедших на сторону революции (большинство в них составляли солдаты «французской гвардии»).

Это обстоятельство было вызвано двумя причинами: во-первых, боеспособность в добровольческих отрядах горожан-буржуа была далеко не завидной; во-вторых, создание наемных отрядов обусловили социально-политические мотивы. Те части армии, которые перешли на сторону революции, по своей социальной природе ближе стояли к «вооруженному народу», нежели к «вооруженной буржуазии». Это создавало опасность их подчинения народному контролю и тем самым усиления фронта народной революции. Разумеется, буржуазия также не устранила и армию, находившуюся в подчинении у короля. Учреждение буржуазного контроля над регулярной армией и ее превращение в послушное оружие буржуазии явилось первейшей задачей имущей Франции.

Таким образом, факт налицо: в самом же начале революции армия отошла от короля, но налицо и другая «опасность»: отошедший от короля «человек с ружьем» клонится к лагерю народа.

В этой ситуации буржуазные политики, исходя из своих классовых интересов, находят быстрое и правильное решение: оставшиеся «без хозяина» воинские соединения берут под свое «покровительство».

Но этот эксперимент не оправдал себя полностью. «Пасынок» оказался не совсем преданным. С размножением наемных отрядов, социальное содержание «национальной гвардии» изменяется в пользу демократии. Поэтому буржуазия вскоре проникается недоверием к «наемным» и во время подъема революционно-демократического движения приступает к их ограничению и разоружению. Такую политику проводил главнокомандующий «национальной гвардии» Лафайет, подвергнутый за это строгому осуждению со стороны лидеров демократии (Марат, Робеспьер).

В данном параграфе подробно разбирается практическая деятельность «национальной гвардии» по подавлению народно-революционного подъема под знаком восстановления «буржуазного порядка». В первую очередь речь идет о мероприятиях гвардии по разоружению вооруженного народа. Гвардия выступает в роли охранника буржуазной собственности,

защитника «свободы религиозного культа», преследователя народных выступлений и т. д.

Кульминационной точкой антинародной деятельности гвардии явился расстрел пародно-республиканской манифестации на Марсовом поле 17 июля 1791 г.

Буржуазно-классовая сущность «национальной гвардии» вскоре была разгадана демократами, выступившими с соответствующим протестом (Бабеф, Марат, Робеспьер и др.). Эти протесты в основном шли с призов, их выражали демократические массы. Широкие массы были недовольны тем, что их объявляли «пассивными», разоружали политически и лишали боевого оружия. Революционно-демократическая масса, будучи на данном этапе революции союзником буржуазии в борьбе против феодализма и абсолютизма, усматривала в этом измену со стороны буржуазии. Чувствовалось открытое недоверие по отношению к «национальной гвардии». Уже никто не верил, что она является защитником народной свободы. Не случайно, что революционно-демократическая масса оказывала ожесточенное сопротивление антидемократической политике имущей Франции и не хотела разоружаться. Из этой среды стихийно формировались отряды народной милиции, которые придавали охране общественного порядка революционно-демократический характер. Но несмотря на все это, «национальная гвардия» объективно сыграла положительную, прогрессивную роль хотя бы тем, что она занимала ведущее место в борьбе против феодально-абсолютистского режима, она действовала против всяких вылазок феодальной, аристократической и роялистской контрреволюции.

На этом начальном этапе революции «третье сословие» выступает пока что единым фронтом. Налицо единый «народный фронт», действующий под гегемонией буржуазии и ведущий успешную борьбу против общего врага — феодально-абсолютистской реакционной системы. Тем самым противоречие между буржуазией и народом на данном этапе революции пока не носит острого характера. Буржуазная собственность пока еще не подвергается серьезной угрозе. Антибуржуазное лицо «четвертого сословия» пока еще не определилось. Это противоречие принимает острый характер позже, когда общий враг был побежден, и «союзники» оказались друг против друга со своими собственными интересами и противоречиями. Все это вызвало дальнейшее усиление и развитие революции.

Такое соотношение классовых сил в начальной стадии революции стало определяющим фактором прогрессивности роли «национальной гвардии». «Национальная гвардия» ведет борьбу, так сказать, на два фронта: с одной стороны, она успокаивает излишнее революционное возбуждение народных

масс, защищает буржуазную собственность, насаждает «буржуазный порядок», а с другой стороны, ведет борьбу против феодально-абсолютистской системы, парализует все мероприятия монархической контрреволюции. В этом и состоит ее прогрессивная роль, именно здесь проявляется своеобразное единство гвардии и народа.

Гвардия, будучи по своей природе буржуазной, защищающая буржуазную жизнь и ее нравственные нормы, не всегда отмежевывалась от народа, она не раз была с народом во время борьбы против общего врага (20 июля, 10 августа, кризис в апреле 1791 года, Вареннский кризис, события 31 мая и 2 июня, арест короля и т. д.). Даже защита гвардией короля в этом смысле не случайна. Разумеется, здесь имелась в виду не личность Людовика XVI. Речь шла о принципиально новой системе, о конституционной монархии. Иными словами, «национальная гвардия» защищала новую, более прогрессивную форму монархии, возникшую на развалинах феодального абсолютизма (а не «доброе» и «безобидное» Людовика). Но когда та же монархия кренилась в сторону контрреволюции и замышляла что-нибудь против революции, гвардия вместе с народом парализовала эти действия.

Расстрелом народной манифестации на Марсовом поле заканчивается временное единство «третьего сословия». С этой поры трудовая Франция и буржуазия оказались лицом к лицу. Принятием конституции 1791 г. буржуазия сочла революцию законченной, а конституционную монархию она признала окончательной формой буржуазной политической жизни. Революционно-демократическая Франция творец победы над феодально-абсолютистской системой — считала, что революция не только не окончена, а, наоборот, она только начинается. Манифестация на Марсовом поле была подтверждением этого, а требование создать Республику превратилось в главный боевой лозунг «четвертого сословия». С этой поры проблема демократизации «национальной гвардии» становится главным узлом классовых противоречий между буржуазией и революционными массами народа. В этой борьбе первые успехи французский народ отпраздновал 10 августа 1792 г., когда было ликвидировано деление граждан на «активных» и «пассивных» и когда вместе с избирательным правом неимущая Франция приобрела право на оружие. Тем самым оправдалась логика революции — в условиях революционного подъема «национальная гвардия» уступила свое место вооруженному народу.

«Национальная гвардия», даже в условиях ее полной демократизации, оставалась лишь исполнительной силой внутренней службы. Она не могла выполнять функции армии. Тем самым создание «национальной гвардии» еще не означало ре-

шения проблемы новой армии, хотя нельзя и недооценивать ее роль в этом. Как известно, формирование основного ядра новой революционной армии началось массовым призывом «добровольцев». Служба в рядах «национальной гвардии» дала французскому народу возможность приобрести боевые навыки и накопить определенный опыт в военном деле. Тем самым гражданская гвардия послужила своеобразной школой, которая для будущей народной армии подготовила довольно значительные воинские кадры. Это следует подчеркнуть и потому, что в добровольческую армию первый контингент был призван в основном за счет именно «национальной гвардии».

§ 4. ОФИЦЕРСТВО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИИ

В историографии давно укоренилось мнение о том, что основная масса офицеров королевской армии Франции выступила в революции как контрреволюционная сила. Это положение в основном правильно.

Старое офицерство в социальном отношении принадлежало к той силе, против которой была направлена эта революция. Офицерами в старой армии могли стать, как правило, только представители господствующего класса — дворянства. Это была их социальная привилегия. Однако и в этом вопросе требуются некоторые уточнения.

Прежде всего следует учесть позицию офицерства на начальной стадии революции. Дело в том, что одна часть офицерства, реакционного в целом, была настроена либерально и являлась сторонницей обновления. Она вместе с Национальным собранием поддерживала движение за замену феодально-абсолютистской монархии либерально-конституционной монархией. Тем самым объективно эта сила способствовала прогрессу общества. Вопрос этот слабо освещен в специальной литературе, если не учитывать устаревшую работу Гартмана, в которой в этом направлении были сделаны первые шаги.

В диссертации автор уделяет значительное место анализу социальных причин оппозиции среди части офицерства, выяснению причин поддержки хотя бы незначительной частью офицерства социально чуждой для него идеи «обновления».

Большинство офицеров, не изменяя своей социальной среде, было настроено против обновления, явно поддерживало реакционеров и в первые же дни революции находилось в лагере контрреволюции. Эта группа офицеров состояла из привилегированных высших и старших чинов офицерства, вышедших из среды феодальной аристократии, обеспеченной и политически, и экономически. Для них военная служба была источником славы, обогащения и получения высших чинов, а для этого им не требовались ни долгая служба и ни особые заслуги: всё решали протекция и родословие. Они были пропитаны

духом контрреволюции и оппозиционные настроения были им совершенно чужды.

Сторонников оппозиции из офицерства следует искать прежде всего среди младших офицеров. Тут были представлены сыновья средних и мелких провинциальных дворян, которых высшая аристократия окрестила унижительным именем «низших офицеров». Для них служба в армии была источником существования. Продвижение и обогащение для них было исключено. Они несли всю тяжесть воинской службы. Их жалованье по сравнению с жалованьем высших и старших офицеров было ничтожным. Противоречие, возникшее между ними и высшим офицерством, и определило их оппозицию.

Однако эта оппозиция не имела революционного характера. Она не выходила за рамки требования умеренных реформ в рамках господствующей системы. Основная их цель заключалась в сокращении привилегий высшей аристократии, отмене беззакония при продвижении офицеров, уравнивании офицерского корпуса в правовом отношении путем ликвидации деления офицеров на «низших» и «высших». Иными словами, младшее офицерство выступает против дворцовой аристократии и, если можно так сказать, действует под лозунгом «мелкодворянской демократии».

Следовательно, оппозиция младшего офицерства не выходила за рамки внутриклассовой борьбы. Их политическая цель ограничивалась установлением конституционной монархии. В социальном вопросе они оставались контрреволюционерами.

Именно эту категорию офицеров оплакивают некоторые буржуазные историки и ставят в вину революционерам отступление от нее. Могла ли сохранить революция этих офицеров? Дело в том, что эти офицеры не смогли до конца приспособиться к «новым идеям», и логика хода явлений сама определила их отход от революции, которая в конечном счете оказалась для них социально чуждой и неприемлемой. Как только революция задела социальные привилегии этих групп (отмена сословий), их кратковременная оппозиция прекратилась и большинство из них оказались в лагере реакции. С этой поры они противостоят интересам Национального собрания, муниципалитетов, «национальной гвардии», нации в целом и, главное, армии или перешедших на сторону революции солдат, революционизированию которых в какой-то мере способствовали они сами во время «оппозиции».

Наряду с этим автор старается разъяснить еще один малоизученный вопрос. Как известно, определенная часть старого офицерства поступила на службу в социально чуждый и враждебный ей лагерь. О реакционной части офицерства написано немало работ, ее поведение во время революции изу-

чено достаточно. Однако этого нельзя сказать о тех офицерах, которые поступили на службу революции. По мнению Рейнара, данный вопрос требует серьезного внимания. Для решения этого вопроса он предлагает изучить офицерские личные карточки, хранящиеся в «Национальном архиве». Хотя по независящим от нас причинам мы не смогли ознакомиться с этим материалом, но в нашем распоряжении имеется не менее интересный материал в виде архива Эммери (в архиве хранится большое количество прошений и заявлений королевских офицеров об оставлении их в новой армии). Этот материал дает возможность выяснить те мотивы, которые определили вступление старых офицеров на службу революции. Разумеется, мы не претендуем на исчерпывающее изучение этого сложного и интересного вопроса, однако полагаем, что наши материалы дают основание для некоторых новых суждений.

Часть офицеров осталась в армии вследствие своей аполитичности, для большинства этих офицеров военная служба была источником существования. Для них было совершенно безразлично, кому они служили за кусок хлеба — королю или Кошвену. Эти типичные «вояки» тщетно старались спасти старую армию от разложения, сохранить прежнюю дисциплину и тем самым обеспечить себе службу и источник существования.

В дальнейшем, в период революционных войн и общей реорганизации офицерского состава, в армии остались только те офицеры, которые оказались способными превратиться из старых «вояк» в патриотически настроенных граждан-офицеров. Без этого невозможно было руководить новыми контингентами армии. Но необходимые для этого внутренние моральные силы оказались лишь у немногих и потому значительная часть этих «вояк»-офицеров осталась вне новой армии.

Не исключено и то, что на новой службе оставалась та часть офицерства, которая жертвовала своим политическим кредо, когда родине угрожала опасность. Они действовали по принципу: «Новая и революционная Франция — все равно наше отечество» (вспомним позиции некоторых бывших офицеров России в годы гражданской войны и интервенции). Следует также отметить, что на службу обновлению вступили многие «временщики», авантюристы и искатели счастья (например, Барас, Дюмурье и др.).

Не исключено и то, что многие офицеры пришли в новую армию замаскированными. Они находились в воинских полках и штабах в качестве представителей «ялтой колонны», рассчитывая на поражение революции и восстановление монархии.

Была и такая группа старых офицеров, которая служила революции преданно и сознательно. Она принадлежала к то-

му кругу офицеров старой армии, представители которого происходили не из мелких дворян, а из буржуазии (офицеры, вышедшие из буржуазных кругов, служили при «старом режиме» в тех войсковых частях, в которых требовалось образование и большой практический опыт, как-то: артиллерия, инженерные войска, воинские штабы и т. д.). Не случайно, что многие военные деятели эпохи революции являлись старыми артиллеристами, в особенности из инженерных войск (Лазарь Карно, его брат Клод Мари Карно, Приер Кот Д'Ор и многие другие).

ГЛАВА III

ПРОБЛЕМА АРМИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

§ 1. ОТХОД АРМИИ И БРОЖЕНИЕ В ЕЕ РЯДАХ

В данном параграфе прежде всего идет речь о состоянии старой королевской армии в период, предшествующий революции. Кризис, довлевший в течение всего XVIII века над французским абсолютизмом, разразился и в постоянной паемой армии.

Автор старается на конкретных исторических фактах объяснить причины кризиса в армии. Охарактеризованы различные формы проявления недовольства в армии — неподчинение властям, солидарность с народом, ненависть к привилегированной офицерской верхушке.

Вопросы неподчинения армии, братания ее с народом и в конечном счете возникновения революционной роли армии пока что слабо изучены. В освещении этих вопросов чувствуется односторонность, увлечение фактологией, мало внимания уделяется анализу основных тенденций, сущности и актуальности этих явлений.

Не подлежит сомнению, что «неподчинение» армии является фактором социально-революционного порядка.

В исторической литературе этот вопрос почти не получил освещения. Автор старается вскрыть сущность этого движения как явления социального. Разумеется, нельзя игнорировать и причины второго порядка (плохое питание, небольшие оклады, тяжелые бытовые условия, палочная дисциплина, самодурство офицеров и т. п.), которые в исторической литературе выдвигаются на передний план. Следует отметить, что эти тяжелые условия являлись следствием той социальной несправедливости, которая господствовала при старом режиме. Автор считает, что без изучения социальной сущности солдатского движения нельзя выяснить историческую правду о револю-

ционной роли армии. Таким образом, в данном параграфе речь идет о действии социального и экономического факторов в истории неподчинения армии.

Говоря о революционной роли армии, автор подчеркивает, что неподчинение армии фактически означал ее отход от контрреволюции. В критические дни июня и июля 1789 г. достаточно было армии поддержать контрреволюцию и все осталось бы по-старому. В таком случае, говоря словами Олара, старый режим продолжил бы свое существование, а революция была бы отложена. В дни Варенского кризиса даже полк, охранявший короля, отомел от реакции и примкнул к революции. Генерал Буйе не сумел использовать для контрреволюционного переворота даже те соединения, которые находились в его личном подчинении. То же самое повторилось и во время измены Лафайета и Дюмурье.

Автор обращает внимание на одну немаловажную деталь, сыгравшую косвенную роль в становлении революционного сознания армии. Она относится к той реальной опасности, которой подвергли революцию эмигранты Конде и спланированной контрреволюции — Буйе и др. Нависшая угроза стимулировала революционную бдительность армии и придавала ей новые силы в борьбе за социальное обновление (на актуальность изучения этого фактора указывал еще Рейнар).

Весьма интересным представляется вопрос о взаимоотношениях между армией и национальной гвардией. Установлением патриотического союза между ними революционная роль армии возросла. Этот вопрос, возникший еще в самом начале революции, в историографии в значительной степени упрощается.

Многие авторы усматривали между армией и национальной гвардией лишь антагонизм и противоположность позиций. Правда, для этого имелось некоторое основание. Как указывает Рейнар, «национальная гвардия», состоявшая из «активных» граждан, была буржуазной, в то время как солдаты были выходцами из народа. Но и в гвардии, несмотря на ее буржуазный характер, было много представителей из народа.

Совместная борьба против общего врага, предпринятая на первой стадии революции народом в союзе с буржуазией, не исключает возможности единения гвардии и армии на этом этапе. Тем самым, по словам Рейнера, вражда между армией и гвардией была необязательной. Что касается реакционеров, в том числе и офицерства, они всячески старались создать и раздуть антагонизм между армией и национальной гвардией. Автор пытается показать все это на конкретных исторических фактах.

В данном параграфе, на основе новых документальных материалов, широко освещаются вопросы, связанные с рево-

люционным брожением в армии в масштабе всей Франции. Указывается, что вначале революционное движение в армии носило стихийный характер; это длилось приблизительно до весны 1790 года. На данном этапе пока еще не доминируют политические явления, отношение армии к народу определяют преимущественно несложные инстинкты социального порядка. При этом армия, как и все, стоит пока что на позиции монархизма. Армия пока еще верит в «доброе короля», причиной всех несчастий считает аристократию и контрреволюционную эмиграцию, в первую очередь в лице офицеров. Но эту веру армия теряет после варенского бегства короля.

В ее ряды постепенно проникают республиканские идеи. Война и очевидная измена короля окончательно укрепили в армии эти настроения. После революции 10 августа армия уже представляет республиканскую силу.

К лету 1790 года брожение в армии принимает организованный характер. Началось формирование первых революционных организаций солдат — «солдатских советов», сыгравших в дальнейшем подполье революции значительную роль. Прежде всего солдаты стали противопоставлять себя контрреволюционному офицерству. Растет политическая активность и гражданская сознательность солдат. Они выступают на политических собраниях, становятся членами различных общественных и политических клубов, читают революционную литературу, газеты, обращения, разрабатывают собственные требования, с которыми обращаются не только к своему начальству, но и к национальной гвардии, устанавливают связь с «национальной гвардией», местными органами самоуправления и т. д.

В данном параграфе дается широкий обзор истории борьбы солдат против офицерских корпораций. Борьба рассматривается, прежде всего, как пример проявления социально-классовых противоречий. Это и понятно, поскольку старая сословная армия состояла из двух противостоящих социальных слоев. По происхождению солдаты принадлежали к «третьему сословию», а офицерские кадры почти целиком состояли из представителей дворянства. Между солдатами и офицерами была воздвигнута глухая социальная стена. Растущая непримиримая классовая борьба, происходившая между дворянством и «третьим сословием», давала знать о себе и в армии. Абсолютное большинство солдат состояло из крестьян и плебейства (городская беднота), ултер-офицеры также были укомплектованы не из привилегированных сословий и в социальном отношении стояли рядом с солдатами. «Для офицера солдат был то же самое, что и крестьянин для помещика».

В армии имело место еще одно противоречие. Речь идет о противоречии между небольшой, буржуазной частью офи-

царства и его дворянским большинством. Буржуазное офицерство возглавляет борьбу против реакционных офицеров, точно так же как и вся буржуазия в целом выступала гегемоном всех социальных сил в борьбе против «старого режима». Плебейские и частично мелкобуржуазные унтер-офицеры находились на стороне солдатских масс и возглавляли революционные выступления солдат.

Подробно изложены и другие причины недовольства солдат. Они борются за повышение жалования, против расхищения офицерами военной казны, за выдачу причитающихся им годами неоплаченных сумм, за уважение человеческого достоинства солдата, облегчение тяжелой казарменной жизни, отмену жестокой дисциплины и т. д.

На основе анализа нового материала (в основном из архива Эммери), автор подчеркивает недооценку действительных причин недовольства армии со стороны правых сил (короля и министров) и офицерских кругов. Те же материалы свидетельствуют, что и само Национальное собрание не разобралось в этих причинах, сводя все к материальному фактору. В противовес этому, автор старается найти правильное решение вопроса и выявить действительные причины революционного движения в армейских частях во главе с прогрессивными силами.

В том же параграфе рассказывается о тщетных усилиях короля и других руководителей «старого режима» остановить ход событий в армии, восстановить старую дисциплину и авторитет монархии в солдатских массах. Королевская власть окончательно проигрывала сражение за армию.

Напрасно старались монарх и его окружение сохранить доверие армии: армия не была заинтересована, говоря языком одного документа, «разогнать разбойников», сеющих раздор в королевстве Людовика XVI. Королевская власть вновь пытается совершить силами армии контрреволюционный переворот, но безуспешно — армия остается верной революции. Автор иллюстрирует это положение двумя примерами: попытка совершения контрреволюционного переворота в сентябре-октябре 1789 г. и бегство короля. В обоих этих кризисах роль армии оказалась решающей — она еще раз спасла революцию.

Революционные действия солдатских масс не носили какого-то замкнутого, кастового характера, они способствовали решению крупнейших гражданских проблем, стоящих перед революцией. Армия противостояла всем силам, которые стремились препятствовать логическому ходу революции.

§ 2. ВОЛНЕНИЯ В АРМИИ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Следовало ожидать, что Национальное собрание, во многом обязанное армии своими успехами, достойно оценит ее заслуги и усилит заботу о ней. Но этого не случилось. Более того: 28—31 августа по приказу Учредительного собрания правый генерал Буйе жестоко подавил волнение нансийского гарнизона. Было ли это случайным недоразумением или закономерным результатом политики собрания? Автор считает, что нансийская трагедия была логическим, закономерным следствием военной политики Национального собрания.

Летом 1790 г. на заседании Учредительного собрания военный министр Латур-Дю-Пен резко выступил против армейских волнений. Прежде всего, он обрушился на советы солдат, назвав их «незаконными». Он говорил о том, что число «незаконных» комитетов растет ежедневно, действия этих органов становятся все более «наглыми»: они рассматривают политические вопросы, вопросы финансового положения полков и объектом их критики становится вся деятельность военных органов. По указанию этих комитетов, солдаты самовольно контролируют казначейские отчеты полков и заверяют офицеров об уплате им крупных сумм. «Всякий авторитет уничтожен, армия через своих представителей ведет переговоры непосредственно с нами. Военное министерство и мой кабинет заполняют толпы солдат». Министр призвал членов Собрания: торопитесь, спасайте отечество, в этот критический момент авторитет трона недостаточен; помогите королевской власти приостановить губительное разрушение военной силы. При этом министр по старинке считал, что интересы общего благосостояния требуют, чтобы солдаты действовали как автоматы и не имели собственной воли. Если исключить абсолютно пассивное повиновение, армия, мол, станет непригодной не только для внешних отношений, но и внутри государства и превратится в опасную силу.

По вопросу об армии депутаты Учредительного собрания больше прислушивались к толосу королевского министра, чем к мнению революционной Франции и самой армии. Это было результатом не случайных заблуждений, а общей политики Учредительного собрания в отношении армии.

Как известно, плоды народной победы 14 июля 1789 года оказались в руках крупной буржуазии. Большинство Национального собрания — консервативная буржуазия и либеральное дворянство, старалось быстрее закончить революцию. Собрание торопилось узаконить и окончательно закрепить победу буржуазии путем подавления революционных масс. Буржуазия незамедлительно отмежевывалась от народа, от миллионов

вооруженных французов, которые, говоря словами Олара, привели ее к победе. Начинается новый, исторически более сложный этап социальных противоречий — борьба между имущей и неимущей Францией, буржуазией и широкими народными массами. Образовался своеобразный антинародный блок контрреволюционной буржуазии, либерального дворянства и монархии.

Понятно, что в такой ситуации, консервативное большинство Учредительного собрания по отношению к революционному движению в армии заняло ту же позицию, что и в отношении народной революции. Для него стало очевидным, что армия является составной частью революционного народа, что союз народа и армии мог направить революцию в такое русло, которое поставило бы под угрозу все завоевания крупной буржуазии. В такой ситуации не могло быть и речи о завершении революции, как это считал Барнав, а, наоборот, получил бы всеобщее признание призыв Робеспьера к дальнейшему расширению революции. Консервативная монархическая буржуазия ставила вопрос так: революция завершена, должны успокоиться все, в том числе и армия.

Именно это обстоятельство определяло основы военной политики Учредительного собрания.

Создание новой армии было одной из основных и неотложных задач победившей буржуазии. Так, например, Мирабо, Лафайет и Ламет предложили план роспуска старой и создания новой армии. Видимо, пока еще не было известно, какую позицию займет старая, королевская сословно-кастовая армия — сторону обновления или «старого режима». Но впоследствии их все больше стал пугать рост неповиновения армии.

Как было отмечено, созданием «национальной гвардии» проблема вооруженных сил не была разрешена. Страх перед тем, что королевская армия станет на сторону старого режима, оказался напрасным. Выяснилось, что армия хочет обновления. Наряду с этим стало известно, что королевская армия больше тяготела к народу и сотрудничала с ним. Этот союз армии и народа оказался для французской буржуазии основным залогом успешной борьбы против феодализма и абсолютизма. Однако с этой поры растущие связи армии и народа создают для буржуазии новую угрозу.

Судьба армии волнует народ, армия поддерживает народ. Буржуазия видит, что там, где «национальная гвардия» притесняет народные массы и «устанавливает порядок», гораздо труднее использовать армию. Буржуазия не сумела взять армию под свой контроль. Между буржуазией и армией встал народ. В результате перед военной политикой победив-

шей крупной буржуазии стоит задача — любой ценой разорвать эти связи, подчинить армию, реорганизовать ее на свой лад и заставить служить интересам имущей Франции. Такую же позицию заняла она и в отношении монархии. Буржуазия не уничтожила монархию, а перестроила ее. Вместо феодально-абсолютистской монархии она стремится создать буржуазно-конституционную монархию. Она не думала заменить и самого монарха.

Феодального Людовика XVI облачили в новый, буржуазный наряд, назначили ему крупное содержание и объявили служителем буржуазии. Точно так же поступили они с армией и сохранили ее, но с расчетом кое-что изменить. Слепое орудие феодального короля теперь должно было стать военной основой политического господства буржуазии. Именно поэтому Собрание боролось с такой настойчивостью и рвением за восстановление дисциплины в армии.

И тут рассчитывали на «обуржуазивание» старых офицеров, как и в случае с королем. Не случайно, что депутат Учредительного собрания Гюю выдвинул весьма щекотливое предложение — об уравнивании офицерства с классом буржуазии, поскольку, мол, офицеры от буржуа отличаются только униформой.

Такая политика буржуазии объясняет и позицию Собрания в вопросе о братании «национальной гвардии» и армии. Известно, что буржуазия всячески старалась воспрепятствовать проникновению демократических элементов в гвардию, но в то же время она не противилась фактам братания гвардии с армией.

Буржуазия рассчитывала, что этим народная армия окажется под влиянием «цензовой» или буржуазной национальной гвардии, освободится от народного контроля и разрушится единение армии и народа.

В военной политике Собрания обнаруживается еще одна принципиальная тенденция. Победившая буржуазия добивается отвода армии от политики. Ее не устраивает «рассуждающая» армия. Она требует от нее слепого, беспрекословного подчинения ее политике, ее господству.

Консерватизм и двойственность Собрания по вопросу об армии отразились в первой буржуазной конституции 1791 г., в военном статуте которой говорится: «Солдат должен выполнять приказы, а не заниматься политикой».

Собранию не удалось похоронить идею братания армии с народом; этот процесс все еще продолжается. В данном параграфе этому вопросу отводится большое место.

Французский народ с благоволением смотрел на Национальное собрание. Все классы и социальные группы француз-

ского общества видели в Собрании своего благодетеля. Все ждали своей «доли». Среди них была и армия. Армия доверяла только Национальному собранию, верила ему и его решениям — об этом свидетельствуют документы архива Эммери. Армия была уверена, что Собрание не примет таких решений, которые противоречат ее интересам. Она считает, что обновление армии — дело нации, а не короля. Это обновление должно произойти на национальной почве, надо выработать национальную конституцию, следует сократить фонды контрреволюционного офицерства, отменить унижительную дисциплину. Далее армия считает что следует создать такую патристическую армию, которая будет способствовать национальному возрождению, росту торговли, промышленности, земледелия, ремесел. Армию должна содержать сама нация, а армия, в свою очередь, должна удостоверить уважение к нации своей беззаветной службой ее интересам. Армия должна развиваться по мере развития самой нации. Военная и гражданская конституции должны отражать одну и ту же цель — служение Франции. Армия ожидала от Собрания решения этих вопросов именно в данном аспекте. Но в противовес этому, свою военную политику Национальное собрание направляло против этих чаяний прогрессивной Франции. Критики военной политики Собрания указывают, что в основу этой политики Собрание кладет «губительный аристократизм». Все это определило конфликт между армией и Собранием.

Перегруженное другими, более «сложными» делами, Национальное собрание не спешило с проблемой армии. С другой стороны, в условиях общего революционного подъема армия сама приступила к урегулированию своих дел «снизу». Национальное собрание не могло примириться с этим и проблеме армии посменно выдвинуло на обсуждение, начав решение этого вопроса «сверху».

Автор указывает еще одну причину (на этот раз субъективного характера), которая также определяла консервативность военной политики Собрания. Дело в том, что буржуазные депутаты Национального собрания, даже такой искусный политик, как Мирабо, допускали в военном деле немалые ошибки. Этим следует объяснить, что в составе военного комитета Собрания абсолютное большинство составляли старые королевские офицеры из высших аристократических кругов.

Собрание хорошо было информировано о конкретных фактах недовольства армии и ее настроении (об этом давали сведения муниципалитеты, министерства и «военные комитеты»). В руках Собрания накопился большой материал, связанный с проблемами армии, в виде писем, пожеланий, проектов, личных заявлений и предложенный широких слоев об-

щественности (в архиве Эммери отложилось значительное количество таких материалов).

Для выяснения положения на местах Национальное собрание направляло туда депутатские комиссии. Затем оно заслушивало доклады этих комиссий и выносило по ним конкретные решения (Собрание выступало в роли судьи). Когда волнения в армии приняли широкий характер, частные определения оказались недостаточными, и Собрание приступило к разработке единых мероприятий и общего законодательства по делам армии. Эти мероприятия можно разделить на две группы. Первая группа (законы, декреты, инструкции, постановления и оперативные мероприятия) была направлена на пресечение революционного движения в армии и, прежде всего, на установление строгой дисциплины. Вторая группа мероприятий служила интересам реформы армии, изменению ее структуры и внедрению некоторых нововведений.

В данном параграфе на основе большого фактического материала дается подробный обзор мероприятий первой группы. Собрание с целью восстановления дисциплины старается в первую очередь помешать проникновению революционных идей в армию, в частности запрещает гражданским агитаторам выступать в воинских частях. Собрание приступает к частым перемещениям воинских соединений с места на место, чтобы помешать им установить контакты с местным населением.

Вначале Собрание берет на себя роль посредника и медиатора в делах по урегулированию конфликтов внутри армии. Но когда эти волнения приняли широкий размах, Собрание упорно старается укрепить дисциплину, сохранить старую армию и использовать ее в интересах нового правящего класса буржуазии.

Собрание всюду, в частности в армии, последовательно проводит жесткую политику по «установлению порядка». В монографии подробно говорится о мероприятиях Собрания в этом направлении: о строгих декретах и военном кодексе.

Вначале, в период борьбы против абсолютизма, Собрание не принимает строгих мер против проявления недовольства в армии, боясь потерять ее расположение. Не случайно, что в первые дни революции сам Мирабо призывал армию к неповиновению. Теперь положение изменилось. Буржуазия победила. Армия отошла от старого режима. И монарх и армия находятся под контролем Собрания: «Военный комитет» приближает к рукам вожжи управления, военный министр попадает под влияние комитета и Собрания.

Теперь уже не исключается союз монарха и Собрания против армии и народа. Этому способствовало то, что армия

находилась под контролем народа и была ближе к нему, чем к буржуазии. Установился союз монархии и контрреволюционной буржуазии против народа, о котором говорил Робеспьер. Это определило характер жестоких мероприятий, осуществляемых Собранием с целью восстановления воинской дисциплины. В монографии приводится много фактов для иллюстрации этого положения.

Трагедия в Нанси и связанные с ней события были логическим следствием этой политики. Эти события с привлечением новых материалов широко освещаются в диссертации. При этом автор старается критически оценить тенденциозную интерпретацию нансйской трагедии в буржуазной историографии. В монографии подробно освещается та острая борьба, которая развернулась в результате нансйской трагедии между прогрессивной и консервативной Францией. Подчеркивается, что в результате этой трагедии ряды армии и народа сжимаются еще теснее.

Здесь же говорится о военно-юридическом законодательстве Национального собрания, о его классово-буржуазном содержании. Депутаты Учредительного собрания, провозгласившие свободу личности и принцип равноправия всех граждан государства перед законом, фактически ничего не сделали в этом отношении для французского солдата. Военно-юридический статут исключал юридическое равноправие солдат и офицеров, правовые привилегии офицеров и впредь оставались в силе.

Вместе с тем следует отметить, что новая форма строгой дисциплины и «слепого подчинения» по сравнению со старой, феодальной формой, была наименьшим злом, хотя бы потому, что она была несколько смягчена. Старые, унижительные для человеческого достоинства меры наказания были отменены, солдаты могли обжаловать незаконные действия офицеров и т. д.

Однако жесткий военно-дисциплинарный устав и строгий кодекс военно-уголовного права вызывали противодействие, солдатские восстания продолжались. Поэтому левые силы (Робеспьер, Марат и др.) и в этом направлении оказывали возрастающее сопротивление реакции.

§ 3. ПОПЫТКА СОХРАНЕНИЯ СТАРОЙ КОРПОРАЦИИ ОФИЦЕРОВ

Здесь речь идет, прежде всего, о роялистских настроениях и действиях старых офицеров. Несмотря на это, Собрание все же старается сохранить их. С помощью корпуса старых офицеров оно пытается осуществить буржуазную модернизацию армии. Однако новая окраска белых офицеров, как и короля Людовика XVI, оказалась фальшивой. Офицеры оставались

активными членами «антиисторического союза» короля и феодального дворянства. Широко развернулась их контрреволюционная деятельность. Они упорно сопротивлялись даже незначительным изменениям в армии, мешали сближению армии и народа, братанию армии с «национальной гвардией», преследовали прогрессивных солдат и унтер-офицеров, насаждали в армии антиреволюционные настроения, активно организовывали контрреволюционные заговоры и т. д. (все эти факты детально изложены в диссертации).

Политика Собрания в отношении старых офицеров вызвала большое недовольство армии, в особенности после того, когда широкие масштабы приняла эмиграция офицеров.

В данном параграфе подробно говорится о том, чем аргументировало и оправдывало Собрание возможность и необходимость сохранения старых офицерских кадров. Депутаты утверждали, что за роспуском этих обученных и опытных кадров последует полный развал армии. Их «доводы» хорошо выражены в одном документе: «Эту, некогда победоносную армию полностью развалит национальные гвардейцы, добровольцы, неопытные офицеры и генералы, вышедшие из лавочек и подвалов; единственным спасением армии, является возвращение аристократии». Тут же говорится о конкретных мероприятиях, осуществленных Собранием с целью переманить на свою сторону старых офицеров. Основное заблуждение Собрания заключалось в том, что оно неверно представляло себе причины «неповиновения» армии новому режиму. Собрание не понимало, что необходимость замены офицерства являлась социальной задачей, а не обычным военным мероприятием. В данном случае Собрание противопоставляло себя законным требованиям народа и армии об изъятии ее от старых офицеров. Далее автор анализирует характер новой присяги, ее классовую природу, разбирает ее положительные и отрицательные стороны. Затем речь идет о мероприятиях, проводимых Собранием для сохранения старых офицеров после Варенского бегства короля.

Собрание успокаивает их и призывает к сотрудничеству. Наряду с реабилитацией короля оно старается реабилитировать и старое офицерство. Исходя из позиции защиты собственности, буржуазия пытается даже офицерскую должность рассматривать как категорию собственности, иными словами, гарантировать ее неприкосновенность. Единственно на что соглашается Собрание — это уменьшение числа дорогостоящих офицерских корпораций за счет сокращения высших офицерских должностей. Однако это мероприятие носило чисто фискальный характер.

Автор показывает, что попытка старых офицеров приспособ-

собраться к новой системе провалилась. Перед Собранием во весь рост встала неотложная задача создания новых офицерских кадров. Автор пытается показать буржуазно-классовый характер этого явления.

Наконец, после отхода старых офицерских корпораций, Собрание приступило к формированию новых офицерских кадров. Но с целью не допустить проникновения демократических элементов в офицерские корпорации, оно воздвигнуло новый бастион в виде «цензу», заключавшегося в том, что право занимать офицерские должности предоставлялось только «активным» гражданам. Тем самым буржуазия встала на путь создания своего, буржуазного офицерства.

§ 4. РЕФОРМЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ В АРМИИ

В данном параграфе рассматривается вторая группа мероприятий, направленная к реформе армии и к насаждению некоторых нововведений. Подчеркивается, что эти мероприятия были робкими, паллиативными и носили умеренный характер. Учредительное собрание и не помышляло о радикальных реформах в армии, о ее реорганизации на новых социально-экономических и политических началах. В монографии отводится большое место выяснению классовой сущности такой позиции Собрания. Следует отметить и то, что в деятельности Собрания в этой области явно проглядываются признаки политики «кнута и пряника». Вместе с тем постановления Учредительного собрания носят характер нерешительности и двойственности. С одной стороны, оно опасается обострения конфликта с королем, а с другой, старается сохранить доверие народа и армии. Собрание хорошо понимало, что без такой поддержки оно не смогло бы справиться с контрреволюционными замыслами короля и дворцовой камарильи.

Собрание не сумело приостановить интенсивный процесс дезорганизации и развала старой армии. Наоборот, своей политикой оно невольно даже способствовало этому. Вновь активизируется контрреволюционное роялистское офицерство.

Развал армии представлял большую угрозу для революции. В условиях усиления внутренней контрреволюции депутаты Собрания были вынуждены изыскать более эффективные меры для спасения армии. На это толкали их также напор контрреволюционных сил извне и нарастающая угроза интервенции. Разумеется, внутренние и внешние враги революции только и мечтали о дезорганизации и полном развале армии, а следовательно и о быстром разгроме революционной Франции.

Совсем другое настроение царило среди народных масс

Франции. Патриотическая, революционная Франция, видя приближающуюся опасность, заботилась прежде всего о судьбе армии. Народ требовал создания волонтерской, сильной национальной армии путем полной ее демократизации и осуществления радикальной военной политики.

Необходимо было поддержать эту народную инициативу, но кто мог возглавить решение этой великой исторической задачи?

В условиях приближающейся опасности Собрание все больше интересуется делами армии. «Кнут» временно был отложен в сторону и выдвинут вперед «пряник». Однако и здесь берет верх классовая ограниченность Собрания и его мероприятия не достигают цели. Дело осложнялось и субъективными причинами, в частности противоречием между Собранием и министерством. Министерство как аппарат короля противостояло военным комитетам (в архиве Эммери и по данному вопросу содержатся интересные материалы).

Собрание приступает к созданию новой армии.

Историю создания новой армии Великой буржуазной революции можно разделить на два периода: 1) реформенный (1789-1792 гг.) и 2) революционный (1792-1793 гг.). Первый, реформенный период охватывает в основном деятельность Учредительного и отчасти Законодательного собраний. На этом этапе пока еще пытаются подлечить и сохранить старую армию. Второй этап знаменует революционное переустройство армии. Начальные признаки этого появляются в конце первого периода в лице «добровольцев» 1791-1792 гг. Революционное переустройство армии достигает кульминации во времена диктатуры якобинцев, когда армия становится революционно-демократической, всенародной. Национальное собрание при подготовке военных реформ располагало множеством проектов, в составлении которых участвовали представители различных слоев французского общества. Проблема армии волновала общественную мысль Франции. Ею интересовались и конституционалисты, демократы и консерваторы, юристы и генералы и т. д. Наряду с консервативно-реакционными проектами представлялись и революционно-демократические, рядом с деловыми предложениями выставлялись и утопические.

В архиве Эммери хранятся неизвестные до сих пор многие ранние проекты реформы армии. Автор подробно разбирает их. Особое внимание уделяется революционно-демократическим проектам, в которых речь идет о необходимости радикальных изменений в армии. В проектах предусмотрены новые основы формирования армии, воинская повинность, принцип выборности офицеров, предоставление права «активного» гражданина солдату, учреждение народного контроля над ар-

мией, полная гарантия рядовому солдату в получении по службе офицерского чина, улучшение экономических и бытовых условий солдат, отмена унижительных наказаний, установление сознательной дисциплины, урегулирование вопросов социального обеспечения солдат и их семей, ликвидация фаворитизма, выдвижение офицеров по способностям и личным заслугам, широкое вовлечение солдат в политическую жизнь и т. д. Следует также отметить, что большая часть проектов предлагает политику режима экономии и требует сокращения военных расходов.

Помимо проектов, хранящихся в «архиве Эммери», нами использованы и другие проекты, опечатанные в те дни типографским способом, но до сих пор малоизвестные. Кроме этого, в работе привлечены и другие материалы, в частности солдатские петиции, требования, предложения и пожелания, размноженные в те же дни типографским способом и распространяемые общественными организациями и политическими клубами.

Значительная часть данного параграфа посвящается разбору тех мероприятий, которые были предприняты Учредительным собранием для обновления армии. Собрание берет курс на проведение либеральных реформ. Выражаясь языком одного документа, Собрание «подливает в котелок солдата немного меду» (незначительное повышение жалования, увеличение рациона питания, улучшение бытовых условий в казармах, отмена режима палки, некоторое упорядочение системы пенсий, укрепление военного бюджета, отмена унижительной системы «волчьих билетов», отмена привилегии дворянства при замещении офицерских вакансий, признание равноправия всех французов при занятии гражданских и военных должностей, замена старых наименований полков обыкновенной нумерацией, ликвидация дискриминации при наборе солдат, установление над набором контроля местной администрации и т. д.).

Некоторые радикальные мероприятия в военном деле были осуществлены под давлением революционного энтузиазма масс.

Следует отметить, что тем же Собранием фактически был похоронен вопрос о предоставлении политических прав солдатам. Дело в том, что «активным гражданином» или обладателем политических прав рядовой солдат мог стать только в том случае, если он прослужил в рядах армии в течение 16 лет, что реально было почти несущественно.

Однако Собрание не сумело приостановить рост революционного движения среди солдат, подавить их стремление к активной политической жизни. Другими словами, Собрание

не смогло помешать процессу «патриотизации» солдат, оно было вынуждено разрешить солдатам принимать активное участие в жизни политических клубов, читать политическую литературу, участвовать в политических спорах, в составлении петиций и т. д.

Особо следует выделить два момента из деятельности Собрания. Один из них относится к соблюдению принципа выборности при укомплектовании офицерского состава, а второй касается призыва к народным массам в лице «добровольцев» к защите отечества (об этом подробно говорится в четвертой главе диссертации). Разумеется, по этим мероприятиям нельзя говорить о полной демократизации армии, однако значение этих моментов трудно переоценить, ибо правое большинство Учредительного собрания оказалось вынужденным санкционировать необходимость такой демократизации.

На начальной стадии революции принятие принципа выборности офицеров из низов явилось, несомненно, революционным шагом. Это требование было выдвинуто народными массами еще накануне революции. Однако принцип выборности Собрание проводило лишь в отношении младших офицеров, да и то принадлежавших к числу «активных» французов. Несмотря на это, данное мероприятие имело большое значение, ибо тем самым когорта дворянского офицерства фактически распалась и треть ее сословие получило доступ к руководящим постам армии. Хотя этим правом по существу пользовались только лишь «активные», но кое-что досталось и демократическим элементам, поскольку согласно новым правилам определенная часть вакантных мест младших офицеров была занята унтер-офицерами, вышедшими, как правило, из народа.

§ 5. «ЛЕВЫЕ» О ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Французский народ с самого начала революции интересовался судьбами армии и стал главным ее покровителем. Народ был убежден, что военная политика офицерских кругов была направлена против него и его революции. Реакция борется с народом «цензом», хочет обезоружить народные массы, присваивает себе право ношение оружия и стремится изолировать от политической жизни армию и всю «пассивную» Францию.

Буржуазия создала собственные вооруженные силы в лице национальной гвардии, которую по мере надобности направляла как против старой армии «служителей деспотизма», так и против восставшего народа.

Демократическая Франция и ее лидеры остро ставили вопрос демократизации «национальной гвардии» и не менее

остро боролись за ее осуществление. Что касается «служителей деспотизма» — французских солдатских масс, то они оказались более революционными, нежели монархистами. Солдатские массы с самого начала противопоставляли себя офицерам; между ними, говоря словами Жореса, началось политическое и моральное размежевание. За этим последовал развал дисциплины и дезорганизация армии. Большинство солдат оказалось на стороне революции. От нее ждали они твердого порядка и улучшения своего материального положения. По своей социальной природе, естественно, армия была ближе к «пассивной» Франции, нежели к «активной».

Борьба за армию между «старым режимом» и «третьим сословием» завершилась в пользу последнего. Единый фронт «третьего сословия» после победы над общим врагом — феодальным абсолютизмом — вскоре развалился. Лицом к лицу оказались два противоположных лагеря, две Франции — буржуазно-собственническая («активная»), с одной стороны, и революционно-демократическая и санкюлотско-плебейская, с другой.

Борьба за армию вступила в новую фазу. Началась борьба за армию между буржуазией и народом. Буржуазия старается подчинить армию своим интересам, своей политике, а народ стремится к ее полной демократизации. Народ выдвигает идею создания национальной армии, роспуска старого корпуса офицерства и формирования нового офицерства демократическим путем.

Руководители лагеря демократии, учитывая настроения народных масс, вели борьбу за осуществление этих чаяний. Автор пытается воссоздать конкретную историческую картину этой борьбы на фоне деятельности руководителей революционной демократии — Робеспьера, Камилла Демюлена, Марата, Дантона, Сен-Жюста, Кара, Де-Крансе, Лазаря Карно и др. — в области военной политики. Кроме того, автор старается сформулировать взгляды этих руководителей на основные принципы строительства новой армии и показать их последовательную борьбу против консерватизма и реакции.

Г Л А В А IV

ПРОБЛЕМА АРМИИ В 1792—1793 ГГ. (ДО ПРИХОДА К ВЛАСТИ ЯКОБИНЦЕВ)

§ I. ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ярко выраженная буржуазная сущность Законодательного собрания, избранного на основании цензовой конституции, проявила себя с первых же дней своей деятельности. Оно

продолжает политику своего предшественника в деле обуздания революционного энтузиазма народных масс и армии. Влияние фельянского большинства Собрания сказывалось и на деятельности вновь избранного Военного комитета.

В Комитете образовались две группы — правое большинство и левое меньшинство (во главе с Лазарем Карно). Первая группа пользовалась поддержкой большинства внутри Собрания, но вне собрания ее социальная база была менее значительна, чем социальная база, на которую опиралась вторая группа. База левого меньшинства в условиях восходящего развития революции с каждым днем расширялась. В Собрании (и в Военном комитете) представители старых привилегированных сословий отсутствовали, их место занимают конституционные монархисты-фельяны.

Естественно, что в таких условиях Карно и малочисленная группа левых военных не могли надеяться на проведение радикальных преобразований в армии. А сам Лазарь Карно, постепенно возглавивший левых военных депутатов, никогда не был таким активным революционером, как Дантон или Сен-Жюст. По словам Рейнара, он не имел их темперамента, был мягким, покладистым и реформистски настроенным. В его деятельности всегда чувствовалась тенденция «семь раз отмерь и один раз отрежь». Несмотря на это, Карно смело критиковал военную политику конституционалистов. Он считал, что эта политика была неэффективной и не могла решить проблему армии. Карно был прав, так как Законодательное собрание фактически унаследовало от Учредительного собрания нерешенную проблему армии. И в новом Собрании наблюдались те же недостатки, которые характеризовали Учредительное собрание, а именно: вместо радикальных решений оно занималось бесконечными спорами, дискуссиями, составлением разных комиссий и т. д. Военная политика Законодательного собрания также носила преимущественно реформистский характер. Впрочем, проявлялась она несколько более решительно.

Наряду с политикой репрессий Законодательное собрание проводит в отношении армии и политику умиротворения (укажем, например, на амнистию, которую оно распространило на всех военных преступников, в том числе и на участников испанского восстания). Что касается отношения к офицерству, то Законодательное собрание в основном продолжает политику Учредительного собрания. Но контрреволюционная деятельность офицерства усиливается, эмиграция принимает угрожающий характер. В таких условиях Законодательное собрание было вынуждено заняться проблемой офицерства более активно и решительно. Левая группа Собрания вновь защищает принцип избираемости офицерского состава. Количество ва-

кантных офицерских мест быстро растет. Остро стоит вопрос о замещении этих вакансий. Левые депутаты требуют сделать это за счет унтер-офицеров регулярной армии. Было предложено использовать офицеров национальной гвардии и вернуть в армию военнослужащих, обвиненных в «патриотизме» и изгнанных реакционными силами (это предложение вое Собрания особо настойчиво поддерживал Робеспьер). Буржуазная Франция в основном приветствовала эти предложения. Особенно ей импонировало предложение заполнить вакансии офицерами национальной гвардии, т. к. они являлись креатурой буржуазии (это предложение приветствовал и маркиз Бриссо).

В лагере правых была паника. Король и фельдмаршалы всячески пытаются сохранить старый офицерский корпус. Фельдмаршалы и вместе с ними бриссотены стараются добиться верности старых офицеров путем морального воздействия. Но вскоре они (особенно бриссотены) убедились в тщетности этих методов. Создавшееся положение вынуждает Собрание проявить против роялистски настроенных офицеров определенную строгость. Хорошим примером является закон против эмигрантов и др. С целью упрочить «дивизм» офицеров, пока еще оставшихся в армии, Собрание предлагает им принять новую присягу в верности нации и конституции. Это было формальным актом, т. к. офицеры уже в момент присяги готовы были ее нарушить. Чтобы сохранить своих сторонников и создать видимость «дивизма», реакционные силы ухватились за присягу. Они призывали офицеров принять ее.

Исследование состава офицерского корпуса в конце 1791 г. и начале 1792 г. дает возможность сделать вывод, что он не был таким, каким был в период Учредительного собрания. Большая часть реакционного офицерства эмигрировала, многие ушли в отставку; большое число вакантных мест было занято молодежью, вышедшей из буржуазной среды, и унтер-офицерами.

Непримиримая враждебность, которую прежде проявляли солдаты в отношении офицерства, теперь смягчилась и проявлялась не так резко.

Состав офицеров претерпел определенную социальную метаморфозу, что, конечно, солдаты чувствовали и соответственно реагировали на это. За консервативность и направленность против революционизирования армии военный кодекс и дисциплинарный устав, выработанные Учредительным собранием, подвергались резкой критике со стороны армии и демократических сил.

Особо осуждались содержащиеся в новом кодексе элементы старой дисциплины, основанной на слепом повинове-

нии солдата. В Собрании оказались депутаты, которые ослабляли необходимость аннулирования норм старой дисциплины и проявляли тенденцию к возврату пассивного повиновения. Для нового солдата-гражданина все это было чуждо. Это хорошо понимала сама армия, демократическая Франция и ее руководители (особенно активно в этом направлении действовал Робеспьер).

Вместо слепого, механического повиновения меридом дисциплинированности солдата должно было стать теперь чувство чести и преданности отечеству. «Сознательная дисциплина — вот что отличает человека от выючного животного», — говорил Карно. Прогрессивная Франция требовала отмены пассивного повиновения, введения единого дисциплинарного устава как для офицеров, так и солдат и применения единой системы наказаний. В конце концов, Собрание решило, что военный кодекс и дисциплинарный устав Учредительного собрания требуют пересмотра и поручило Восемьтому комитету принять соответствующие меры, что свидетельствовало о победе демократических сил Франции. Общественное мнение прогрессивной Франции было на стороне армии.

§ 2. ПЕРВЫЙ ПРИЗЫВ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Первый призыв добровольцев явился началом процесса революционного преобразования армии. В этом процессе можно выделить несколько этапов. История преобразования армии начинается с перехода старой королевской армии на сторону революции (этот процесс консервативная историография называет разложением старой армии, в лучшем случае — дезорганизацией и распадом.)

Вместе с этим процессом происходило стихийное вооружение оставшего народа. И это уже являлось в какой-то мере элементом буржуазной армии нового типа — народной армии. Буржуазия немедленно начинает разоружение народа и сама вооружается, противопоставляя вооруженному народу национальную буржуазную гвардию.

Позже буржуазия, отвергающая принцип народной армии и ратующая за создание буржуазной, способствует появлению новой публичной силы в лице волонтерской армии. Последняя комплектуется из активных граждан.

С 1793 года в условиях революционно-демократической диктатуры якобинцев, на базе слияния регулярной армии и волонтерских войск, создается армия нового типа. Вооруженный народ и вооруженная буржуазия неизбежно соединились. Это было временное явление, возможное только в период развития революции по восходящей линии, только в условиях торжества буржуазно-демократической революции. После 9

термидора, после спада революции временное объединение «вооруженного народа» и «вооруженной буржуазии» прекращается, победившая буржуазия окончательно утверждает свою классовую армию — армию буржуазную.

Новая армия 1791-1792 годов создавалась на принципе добровольного призыва, а в основу армии 1793 года кладется совершенно новый принцип — всеобщая обязательная воинская повинность.

В процессе исследования проблемы волонтерской армии особое внимание автор уделит тем вопросам, которые в исторической литературе наименее разработаны. Например, вопросу о социальном составе добровольцев первого призыва, взаимоотношению между регулярными и добровольческими соединениями и процессу их слияния, проникновению плебейских элементов в волонтерскую армию и т. д. Автор подчеркивает, что это весьма важное мероприятие Учредительного собрания было проведено по инициативе и, можно сказать, под давлением народных масс. В условиях угрозы иностранной интервенции общественное мнение Франции требовало немедленно решить вопрос, связанный с обороной страны, в первую очередь вопрос реорганизации и усиления армии, которая в начале 1791 г. пребывала в плачевном состоянии. Между тем, Учредительное собрание своими паллиативными и нерешительными мерами доводило военную организацию до полного распада.

Автор приводит фактический материал, иллюстрирующий тяжелое положение армии и катастрофическое сокращение ее численного состава.

Требование массового призыва в первую очередь исходило от народа, который считал, что именно это решит проблему армии. В Учредительное собрание подавались многочисленные петиции. Особо активно действовали клубы якобинцев и кордильеров и их вожди. Активность проявляла и левая демократическая пресса. Народ требовал слияния регулярных сил с вооруженным народом и тем самым создания всеобщей публичной силы, основанной на существующей в армии субординации, сознательной дисциплине и принципе избираемости офицерского состава. Демократическая Франция считала, что офицер всеобщей народной армии, избранный согражданами на основании Конституции и принципов свободы, равенства и братства, должен преисполняться чувством гордости от сознания того, что он заслужил доверие сограждан, что он будет руководить ими на основе принципов патриотизма и чести.

Буржуазия Франции и ее крестура в лице Учредительного собрания были вынуждены считаться с законными тре-

бованиями общественного мнения и принять ряд конкретных мер для усиления боеспособности армии (например, численное увеличение состава армии, приведение полков в боювую готовность, выделение средств для укрепления военных крепостей и т. д.).

К созданию волонтерской армии буржуазия отсылалась сдержанно, боясь обратиться к вооруженному народу. Но в конце концов она вынуждена была призвать добровольцев.

Исходя из своего классового стремления не допустить в ряды новой армии демократические элементы, буржуазия решила создать новую армию только из активных граждан, в надежде, что такая армия станет послушным орудием буржуазии. С этой целью было решено укомплектовать первые соединения добровольческих войск «национальной гвардии». В результате этого в армию в основном вступали буржуазные элементы и создавалась гарантия того, что армия станет чисто буржуазной.

После бегства короля в Варенн вновь проявляется опасность контрреволюционного наступления. Регулярная армия была разложена. Единственным спасением было призвать народ к защите революции. Но в силу своей классовой ограниченности буржуазия боялась это сделать. Она не хотела дать народу оружие и политические права. При этом буржуазия считала, что «толпа», которую она так беспощадно расстреляла на Марсовом поле, не будет заинтересована в обороне отечества и не станет защищать новое буржуазное государство.

Учредительное собрание имело твердое намерение придать новым вооруженным силам консервативно-буржуазный характер. Вот почему оно решило обратиться к «национальной гвардии» и потребовать от нее «добровольцев», которые защитили бы ее от внешней опасности так же, как она защитила ее от внутренней (на это указывал Жоржес.) Вместе с тем буржуазия приняла решение подчинить волонтерскую армию, так же как и «национальную гвардию», гражданским (буржуазным) властям. Буржуазия смогла максимально ограничить проникновение в волонтерскую армию демократических элементов, по крайней мере до переворота 10 августа. В период 1791-1792 годов буржуазия в основном сумела осуществить свой принцип создания «буржуазной», а не «народной» армии.

Королевская власть и частично военное министерство вместе со всеми реакционными силами всячески препятствуют созданию волонтерской армии. А «пассивная» демократическая Франция, со своей стороны, энергично борется против контрреволюции и буржуазии и старается проникнуть в ряды волонтерской армии. Эту большую политическую борьбу

автор раскрывает на основании конкретных исторических фактов и показывает, что несмотря на политические барьеры плебейская Франция сумела все-таки проникнуть в армию нового типа. (Впервые на этот факт указали Матьез и Жорес).

Документы, опубликованные Шассеном и Эне, и некоторые новые материалы, которыми мы располагали, дают возможность уточнить социальный состав добровольцев первого призыва. Помимо буржуазных и буржуазно-демократических элементов, в ряды добровольцев вступали сыны плебейской Франции. Не случайно, что решение Учредительного собрания о призыве добровольцев народ встретил с большим ликованием и революционным энтузиазмом.

В диссертации, на основании некоторых новых материалов, дается подробное описание всенародного энтузиазма. Народ добился того, что добровольческая служба не стала привилегией только «активной» Франции. Наличие представителей «пассивной» Франции в рядах добровольческой армии имело большое историческое значение, т. к. именно они внесли в добровольческую армию революционно-демократическое настроение, революционно-патриотический пафос, обусловивший исторические успехи новой армии Франции.

Учредительное собрание, которое не сумело полностью исключить проникновение демократического элемента в новую армию, решило провести некоторые мероприятия, чтобы изменить это положение. Если вначале оно всячески поощряло переход гвардейцев в новую армию, то теперь оно стало ограничивать это, чтобы сохранить гвардию как внутривнутриполитическую силу. В волонтерской армии увеличение числа демократического элемента могло вызвать нейтрализацию или даже ослабление «активных» элементов. В таком случае волонтерская армия могла потерять свой буржуазный характер и чтобы предотвратить возможные антибуржуазные эксцессы в этой армии, было решено сохранить силу «национальной гвардии».

Офицерский состав новой армии представлял сложную проблему для Собрания. В регулярных войсках Собрание не давало солдатам права избирать офицеров. Солдат—сын демократической Франции, получив возможность избирать офицера, мог выбрать его из своей же социальной среды.

Армия, демократическая по своему рядовому составу, но во главе с офицером-буржуа, была для буржуазного общества меньшим злом, чем армия с офицером—плебеем». Последние могли превратиться в политически опасную для буржуазии силу. Таким образом, проблема избираемости офицерского состава не была вопросом чисто военного порядка она стала проблемой социального порядка и решалась в острой политической борьбе.

В новой армии выборы офицеров должны были проводить сами добровольцы. Было установлено, что офицеров можно было избрать только из состава тех добровольцев, которые служили в «национальной гвардии» или в регулярной армии (подразумевалось, что они знали военное дело). В этой оговорке заключался скрытый социальный смысл, имеющий для буржуазии немаловажное политическое значение. В первом случае предусматривалось, что офицером должен стать активный гражданин, т. е. буржуа. Во втором же случае предполагалось, что офицером станет профессиональный военный, уволенный старым режимом из регулярной армии за бунтарство, т. е. лицо, поддерживающее новый режим. Офицером мог стать также профессиональный военный, для которого военная служба являлась только средством существования. Он мог служить новым хозяевам так же, как и старым, вопрос политики не имел для него значения. Такой офицер для буржуазии был вполне подходящим.

Несмотря на то, что волонтерской армии первого призыва был придан вначале буржуазный характер, она все же имела огромное прогрессивное значение. С ее созданием начинается история народно-патриотической армии Великой французской буржуазной революции.

* * *

Большой энтузиазм, который был вызван декретами Учредительного собрания о призыве добровольцев, постепенно стих. Опасность войны пока что миновала. Первый поток «свободных солдат» фактически остался неиспользованным. Собрание приостановило дальнейший призыв добровольцев. Срок службы призванных ограничивался одним годом (с 1 декабря 1791 года по 1 декабря 1792 г.). Из 97.000 призванных добровольцев только 60.000 согласились остаться до конца службы. Добровольцы покидали соединения и возвращались домой.

Законодательное собрание унаследовало от Учредительного собрания почти совсем развалившуюся регулярную армию, но вместе с тем оно унаследовало и новое полезное нововведение в лице массового призыва добровольцев.

Уже с начала деятельности Учредительного собрания опасность войны все более и более усиливается. Нужно было немедленно исправить все ошибки и неточности, которые были допущены Учредительным собранием в военной политике. Первым делом нужно было урегулировать вопрос призыва, вооружения, снабжения, взаимоотношения между регулярными войсками и добровольческими подразделениями. Собрание, вместо того, чтобы прислушаться к голосу общественного

мнения и опираться на демократические силы, в деле военных преобразований стало базироваться на правых, поддерживать авторитет таких консервативных деятелей, как военный министр Нарбон и член Военного комитета Матье Дюма.

Правое крыло Собраний придавало особое значение регулярным войскам, а в лице гражданской армии оно видело политически опасную силу — такая армия могла потерять свой подлинный облик и ограничить возможности самого Собрания. Правые считали, что солдат должен быть только солдатом, превратить его в политическую личность невозможно. Но левые консервативные принципы в Законодательном собрании имели меньше силы, чем в Учредительном собрании. Способствовали этому внутри Собрания активно действующий Карно и его группа, а вне Собрания — широкое общественное мнение.

Законодательное собрание в вопросе создания волонтерской армии в основном придерживается тех принципов, которые проводились Учредительным собранием (вновь поддерживает принцип добровольного призыва и комплектования волонтерских соединений на базе «национальной гвардии» с сохранением последней как внутриполитической силы). Помимо призыва добровольцев Собрание разработало план создания «патриотических легионов», в которые должны были войти «солдаты-патриоты», изгнанные из рядов старой армии (на первом этапе революции реакционное офицество при поддержке исполнительной власти стало массами отчислять из армии «непокорных», «бунтующих» солдат); вместе с этим допускался и призыв иностранных солдат, отчисленных от военной службы по той же причине. Намечалось также призвать и военных дезертиров периода волнений в армии.

Лазарь Карно по вопросу об укомплектовании новой армии взамен добровольного призыва предложил всеобщую обязательную службу. В этом случае он опирался на революционный энтузиазм народных масс. Он хотел превратить военную службу в гражданскую обязанность. Карно отстаивал принцип, по которому армия должна быть подчинена нации, а не наоборот — нация армии и ее шефу-королю, как того желали правые.

Создание армии волонтеров являлось исторической необходимостью и снятие этого вопроса с повестки дня было невозможным. С первых же дней появления этот новый, в принципе здоровый организм имел некоторые недостатки.

В ряды волонтеров первым делом привлекал французов их революционно-патриотический энтузиазм, но будет ошибкой считать это главной причиной успеха первого призыва. «Наивно было бы думать, что причиной успеха первого на-

бора был только революционный энтузиазм. Природа человека такова, что даже в момент большого подъема он с трудом забывает свои личные интересы» (Матьез). Быть «добровольцем» в определенных условиях было выгоднее, чем служить в регулярных войсках. «Доброволец» оформлял контракт на один год, с истечением которого он мог бросить службу. При этом требовалось только предупредить командира об уходе за четыре месяца до увольнения. «Доброволец» легче получал право «активного» гражданина, получал лучшее жалование; в «добровольческой армии» дисциплина была менее сурова, «доброволец» имел реальные возможности стать офицером и т. д.

В рядах добровольцев первого призыва мы видим представителей всех общественных классов. Но среди них особенно мало было крестьян, которые впоследствии (1792 и особенно 1793 гг.) составляли основное ядро новой армии.

Это было основным недостатком волонтерской армии первого призыва, на что впервые указал Матьез. Он отмечал, что среди крестьян, которые отозвались на призыв и пошли служить в волонтерскую армию, в основном были те, которые сумели приобрести реквизированные земли дворянства и церкви (из фонда «Национального имущества»), именно они были заинтересованы в том, чтобы защитить свое приобретение. Это положение Матьеза заслуживает особого внимания и требует дополнительного разъяснения. Здесь поднят один из главных вопросов создания новой армии.

Во Франции конца XVIII века, в основном аграрной стране, абсолютное большинство населения составляло крестьянство и, естественно, оно же должно было составить основное ядро новой армии. Так что правильное решение аграрного вопроса оказывало непосредственное воздействие на правильное решение проблемы армии.

В волонтерской армии мы видим в основном зажиточных крестьян, а широкие слои крестьянства в деле защиты родины и революции пока проявляли малую активность. Причиной этого является то, что аграрная политика Учредительного и Законодательного собраний мало отвечала их интересам. Установлением выкупа феодальных повинностей и налогов феодализм был уничтожен лишь на бумаге. «Национальное имущество» для широких слоев крестьян было недоступно. Добровольцы 1793 г. удивили мир потому, что крестьяне Франции, удовлетворенные аграрной политикой якобинского Конвента, массами влились в ряды волонтерской армии и с небывалой энергией взялись за защиту родины (вернее говоря, стали защищать полученное от революции реальное благополучие).

На данном этапе широкие слои городской бедноты не были привязаны к революции реальными узами и тем самым не были ее ревностными защитниками. Политика Учредительного и Законодательного собраний не способствовала этому. «Пассивную», «бедную» Францию не удовлетворяла цензовая конституция и формальное равенство перед законом. Любимая и незыблемая для буржуазии Франция пока не стала родиной для плебея. Единственной социальной силой, которая могла бы всячески поддержать революцию на данном этапе ее развития, могла быть только собственническая, «активная» Франция. Но обеспеченная буржуазия и богатое крестьянство, опираясь на «заместительство» — позорный пережиток «старого режима», который продолжал оставаться в силе — вместо себя в армию служить «добровольцем» посылали другое лицо. Демократическая Франция вела активную борьбу против этого позорного пережитка. Не случайно, что среди «добровольцев» 1791 и 1792 годов было много случайных элементов, деклассированных личностей, которых богатая Франция посылала вместо себя. Все это создавало в волонтерской армии нездоровую атмосферу.

Недостатки социального характера, которые были свойственны волонтерской армии, остались вне поля зрения буржуазной историографии. Даже Матез не вник в сущность этих недостатков. Не случайно, что волонтера Ноаня, типичного буржуа-собственника, он считает лучшим образцом патриота и гражданина.

В волонтерской армии друг другу противостояли два социальных лагеря. Одну группу составляли бывшие бойцы «национальной гвардии» и непосредственно призванные «сыны семейства», или буржуи-собственники. Они противостояли «народным батальонам». Рейнар справедливо указывает, что в волонтерской армии не могло произойти объединения батальонов этих двух групп: народ и буржуазия не объединяется. Если сыны «хороших семей» попадали в чуждую им социальную среду (в среду бойцов крестьянского и рабочего происхождения), то переживали это как нечто необычное. По интересному замечанию Рейнара, это даже способствовало развитию между ними ностальгии. Они предпочитали находиться в социально родственном окружении.

Тот факт, что в рядах добровольцев 1791 и 1792 годов революционно-демократический элемент не был представлен должным образом, являлся основным недостатком, отличавшим их от добровольцев 1793 года.

В данном параграфе речь идет и о других недостатках волонтерской армии. Так, например, эта армия не имела военных навыков, не проходила подготовку, не доставало ору-

жия, продовольствия и обмундирования. Но подчеркивается, что, несмотря на тяжелые условия, волонтерская армия имела особое положительное качество, которое придавало ей силу; это — новое психологическое настроение, передевшееся в военную шинель гражданина, патриота и революционера.

Среди других главных положительных качеств новой армии автор подробно рассматривает факт избираемости офицерского состава. Офицерами избирались в основном положительные, достойные люди, среди которых многие были выходцами из низов общества. Большинство новых офицеров оправдало доверие, но были среди них и случайные люди. Проникли на офицерские посты демагоги, карьеристы, временщики, искатели счастья и авантюристы.

Что касается взаимоотношения между регулярными войсками и волонтерскими соединениями, тут Собрание проводило политику их размежевания, слияния этих двух военных соединений она не хотела допустить. Собрание и в отношении регулярных войск придерживалось тенденции ограждения их от проникновения демократических сил, чтобы подчинить эти войска контролю буржуазной власти. Надо отметить еще хотя и незначительный, но весьма оригинальный факт. В период организации новой армии появились, так сказать, буржуазные кондотьеры-патриоты, которые предлагали властям создать вооруженные отряды по собственной инициативе.

В результате деятельности Собрания вместо единого военного института во Франции образовалось три вида вооруженных сил: регулярные войска, волонтерская армия и «национальная гвардия». Буржуазия всеми силами стремилась придать им буржуазный облик, но «плебейская» Франция требовала полной демократизации военной системы, создания народной армии. Строительство новой армии проходило в упорной политической борьбе.

Военная политика Учредительного и Законодательного собраний была ярким доказательством того, что буржуазия не хотела полностью разрушить старую армию и предпочитала сохранить военную машину, унаследованную от «старого порядка». Буржуазия довольствовалась захватом старой государственной машины и вместе с ней сохраняла старую армию; она старалась лишь постепенно переделать его на свой лад. Старая машина служила старой форме эксплуатации, но переделанная и приспособленная к новым буржуазным порядкам она должна служить новой, буржуазной форме эксплуатации. Для буржуазии армия нужна для ведения

борьбы на двух внутренних фронтах — она должна, во-первых, обуздать феодальную реакцию, а во-вторых, обеспечить буржуазную эксплуатацию массы, народа.

§ 3. НАЧАЛО ВОЙНЫ С ФЕОДАЛЬНОЙ ЕВРОПОЙ

Каламбур известного революционера Било Варена «война спасла революцию» в известном смысле не является преувеличением. Война действительно имела огромное значение для судеб революции. Она выявила революционно-национальные силы и таланты, сплотила вокруг правительства народ, ускорила буржуазно-демократические преобразования и создание новой армии, подвела под них народно-демократическую основу и т. д.

Говоря словами Энгельса, война привела в порядок плетев, этих предшественников будущего пролетариата. Лишь их энергия спасла революцию. Надо тут же отметить, что эта энергия, прежде всего, выразилась в создании новой армии, стала залогом ее успехов.

Автор критикует неправильную точку зрения буржуазной историографии о соотношении войны и революции, о сущности и характере войны и т. д. Автор старается показать, что революционное правительство не было только военным средством, прекратившим свое существование сразу же, как только закончилась война. Нельзя отрицать тот факт, что проблема войны занимала одну из основных мест в деятельности революционного правительства. Однако неправильно утверждать и то, что революционное правительство существовало только для войны. Такой подход означал бы одностороннюю оценку исторической роли революционного правительства. Автор пытается показать, что война с феодальной Европой означала не только защиту отечества (это положение прочно утвердилось в буржуазной историографии), но была направлена также и на защиту революционных завоеваний. Исходя из этого, революционное правительство осуществляло две функции: защита родины и вместе с тем доведение до конца стоящих перед буржуазной революцией задач — полное уничтожение «старого режима» и утверждение нового общественного строя. Автор пытается показать, что осуществлением этим двух функций, двух основных задач вместе с революционным правительством занималась и революционная армия.

В этом же параграфе автор критикует неправильные положения, связанные с оценкой революционных войн, которые содержатся в трудах представителей ревизионизма и оппортунизма (К. Каутский, Ж. Жорес, Г. Кунов и др.). Особенно это касается вопроса о происхождении войны

Здесь же автор рассматривает вопрос о том, как оценивали проблему войны отдельные социальные слои и политические группы (королевский двор, фельяны, жирондисты, революционеры-демократы и др.).

Большое место уделяется выяснению позиции Робеспьера по вопросу о войне. Диктовалось это прежде всего тем, что данная проблема до конца еще не уточнена, и позиция Робеспьера доныне подвергается той критике, которую вели еще жирондисты.

Автор подробно освещает дипломатическую и военную подготовку войны. Здесь же, на основе новых материалов, дается анализ начатой революционерами т. н. «проллетарской войны». Французские солдаты сражались в полной уверенности, что захватом чужих земель они спасают свою собственную страну, революционные преобразования, а освобождением других народов они выполняют великую миссию по низвержению феодализма. Автор показывает, как использовала буржуазия этот порыв народа и сразу же влилась в освободительно-революционную войну свои захватнические замыслы.

Было бы ошибкой считать, что «человек с ружьем» защищал лишь интересы буржуазии. Французский крестьянин, одетый в шинель, боролся против попыток реставрации феодализма, он защищал землю, данную ему революцией. Даже плебеям было что защищать — хотя бы те буржуазно-демократические политические права, которые они получили в ходе революции. Неправильно также думать, что буржуазия делала свое дело только чужими руками. Многие буржуа тоже состояли в рядах армии.

§ 4. АРМИЯ ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ ДО СОЗЫВА КОНВЕНТА

Прежде всего автор стремится вскрыть те причины, которые обусловили поражение французской армии на начальном этапе войны. Одной из основных причин была малочисленность регулярной и волонтерской армий (автор подробно разбирает причины этого явления). Что касается морального фактора, то на этом этапе он был довольно стабильным: в 1790 и 1791 гг. волнения в армии прекратились, растет гражданская сознательность солдат, офицеры в большинстве своем, пользуются доверием солдатской массы.

Однако все еще не был решен вопрос о материальном положении солдат, что было обусловлено растущим экономическим кризисом. Армия была недовольна и тем, что все еще оставались в силе принятый Учредительным собранием военный уголовный кодекс и нормы дисциплинарных наказаний. И наконец, особенно чувствительным были контрре-

революционные настроения старых офицеров, нередко приводившие к измене. В особенно трудном положении оказались «солдаты свободы», т. е. «добровольцы». Волонтерской армии тогда придавалось второстепенное значение и, в лучшем случае, она считалась подсобной силой для регулярной армии.

Как указывалось, Учредительное собрание попыталось привлечь в качестве добровольцев только «активных». Первый батальон «добровольцев» (1791 г.) был составлен на основе имущественного ценза. Доступ в ряды «добровольцев» был широко открыт для национальных гвардейцев, зато для элементов, пришедших из регулярной армии, дверь оказалась закрытой.

Почти такую же политику по отношению к «добровольцам» осуществляло и Законодательное собрание. Плодом этой политики и была малочисленность рядов «добровольцев» в начале войны. Законодательное собрание избегало демократизации армии, «добровольцев» и офицерского состава, а только это могло спасти страну.

11 июля 1792 года при очередном наборе в ряды «добровольцев» вновь были сделаны попытки ограничить доступ демократических элементов. Сильно затруднял рост рядов «добровольцев» принцип добровольности призыва, поскольку социально-экономическая политика Собрания была пока что ограничена и массы еще ничего не получили от революции, а поэтому не были заинтересованы в защите ее завоеваний. Боеспособность необученных, плохо вооруженных, мало обеспеченных добровольцев зависела в большей степени от их морального духа, а именно от того, насколько они верили в справедливость революции, насколько они поддерживали её.

К 1792 году сторонником революции была лишь часть населения Франции, что было вполне естественным в условиях «цензовой» конституции и резкого имущественного неравенства. Главное же заключалось в том, что аграрная политика Собрания не удовлетворяла большую часть крестьян, для которых лозунг «свобода, равенство, братство» оставался мертвой буквой конституции. Для иллюстрации изложенного выше автор подробно анализирует социально-экономические и политические мероприятия Законодательного собрания. Особенно широко рассмотрено аграрное законодательство, которое не отвечало требованиям крестьян и обуславливало неудачу французской армии в первые годы войны.

Внешняя опасность, нависшая над Францией, диктовала необходимость скорейшего привлечения на сторону правительства широких народных масс. В свете данных задач

вставал и вопрос о переустройстве армии, поскольку единство армии и народа—необходимое условие правильной военной политики. Необходимо было чтобы народ сам встал на защиту отечества.

Говоря словами видного революционера Кутона, Собрание пыталось сделать народ сторонником революции лишь словами. Необходимо же было сделать его преданным революции справедливыми законами, защита которых стала бы для народа святым делом. Прежде всего надо было уничтожить сеньорию, одновременно с политической эмансипацией необходимо было провести имущественную эмансипацию, предоставить бедным крестьянам право приобретать «национальное имущество».

Автор показывает, что решение проблемы армии находилось в прямой зависимости от правильной аграрной политики.

В данном параграфе освещаются и другие трудности, возникшие при создании новой армии. В частности, указывается на хаос и даже преступления, имевшие место в деле снабжения армии (приведены некоторые новые факты, взятые из архива Эммери). Здесь же изложены те мероприятия, которые провело Собрание по устранению этих трудностей.

Далее автор подробно рассматривает те острые противоречия, которые существовали между солдатами и офицерами и мешали реорганизации армии. Законодательное собрание так и не пошло на удовлетворение требований революционного народа отказаться от услуг старых офицеров и демократизировать офицерский состав. В заключение подробно описывается тот народный энтузиазм, который спас страну в самые тяжелые для нее минуты. На основе новых материалов освещается роль революционно-демократических вождей в деле всеобщего вооружения. Здесь же перечисляются те основные требования, которые должны были явиться залогом успеха новой военной политики: 1) полная демократизация армии; 2) слияние регулярной и волонтерской армий; 3) внедрение в армию строгой и сознательной революционной дисциплины; 4) принятие срочных и эффективных мер по вооружению и материальному обеспечению армии; 5) уничтожение контрреволюционеров путём революционного террора. Кстати, террор должен был превратиться в одну из основных мер по обороне страны.

Автор разбирает декрет «Отечество в опасности» и раскрывает его историческое значение в деле организации обороны страны, подчеркивает ведущую роль народных масс в деле решения этих задач. Декрет ввёл в принцип добровольности элемент обязательной службы.

Здесь же показано, как была выработана новая революционная тактика ведения т. н. «войны масс» (*une guerre de masses*).

Далее автор рассматривает те мероприятия, которые провело Собрание для укрепления обороны страны. Если Законодательное собрание, а после переворота 10 августа и жироидистский Конвент в деле обороны страны проявляли порой эластичность, то это объяснялось необходимостью учесть настроения широких масс, их революционный энтузиазм.

Среди указанных мероприятий, особенно интересен факт отступления от принципа разделения граждан на «активных» и «пассивных». Это выразилось в том, что если «пассивные» имели право служить в «национальной гвардии» по крайней мере в мирное время, то декрет «Отечество в опасности» предусматривал возможность призыва в случае необходимости всех граждан — как имущих («активных»), так и немущих («пассивных»).

Переворот 10 августа имел большое историческое значение для военной жизни страны, ее обороноспособности. Этот переворот привлекает внимание автора постольку, поскольку в общенародной борьбе сказали свое слово и вооруженные силы страны. Союз «лик и штыков» обусловил эту победу. Надо отметить тот факт, что регулярная армия не принимала участия в перевороте. Зато добровольцы активно включились в борьбу революционных парижан. Таким образом, явилось первое проявление революционной роли «армии добровольцев» как армии нового типа. Если в июле 1789 года победу революции обусловил успех регулярной армии, то 10 августа революцию защищала новая вооруженная сила в лице волонтерской армии. Измена Лафайета не повлияла на волонтерскую армию, и она осталась верна революции.

На первом этапе революции, который в основном носил буржуазно-«цензовый» характер, действовали созданные буржуазией политические барьеры и это затрудняло демократизацию армии. После 10 августа принцип «буржуазной армии» постепенно уступает место принципу «народной армии», что разрушило всякие политические барьеры и создало основу для широкой демократизации армии. В этом огромное значение революции 10 августа. История новой армии как сложившейся революционной силы начинается именно с 10 августа.

Исходя из вышеизложенного, автор анализирует декрет от 11 августа, который ликвидировал разделение граждан на «активных» и «пассивных» и ввел всеобщее избирательное право. Этот акт имел огромное значение для строительства

новой армии и обороноспособности страны. Наконец-то «пассивные» получили право участия в политической жизни страны и, говоря словами Матьеза, обрели родину, которую надо было защищать.

Однако этот значительный факт сам по себе переоценивается буржуазными историками. Ту же позицию занимал и Жорес. Они оценивают введение всеобщего избирательного права, как всемогущий фактор, как основу всеобщего равенства, как рождение родины. «Родина» в условиях буржуазного общества носит классово-ограниченный характер, и для масс (составлявших основную костяк армии) это понятие было чистой иллюзией. Однако в условиях подъема революции с ее надеждами и требованиями, в условиях растущего революционного пафоса и энтузиазма, слово «Родина» действительно имело для народа магическую силу и вдохновляло армию на новые и новые победы. Лишь позже трудящаяся Франция убедилась в том, что новая «Родина» принадлежит богатым, а не бедным.

Следует отметить, что буржуазия умело использовала революционный порыв масс. Она сумела убедить армию в том, что та якобы ведет борьбу не за интересы буржуазии, а ради интересов народа, родины. В новой армии, во главе которой стояли вышедшие из буржуазной среды офицеры, еще не проявились присущие буржуазной армии противоречия.

Что касается всеобщего избирательного права, то оно означало лишь формальное равенство перед законом. Это было повшество политического характера, которое могло удовлетворить лишь имущих французов (в том числе и мелких собственников). Что касается неимущих масс, то одно право голоса и формальная свобода мало что давали им, необходимы были коренные реформы социально-экономического характера, в особенности мероприятия по улучшению материального положения крестьян. Это усилило бы патриотизм крестьян, усилило бы моральный дух армии.

Декрет от 24 февраля 1793 года предусматривал призыв в армию 300.000 человек. Автор показывает, с каким подъемом встретили массы этот акт и как пытались саботировать его силы контрреволюции. Характерно, что против происков контрреволюции активно боролись не только трудящиеся массы, но и сама армия. Это является еще одним доказательством революционного духа новой армии. Автор анализирует те победы, которые одержала французская армия в борьбе с внешним врагом. Отныне началось осуществление её внешнеполитической исторической миссии — распространение в других странах революционных идей и порядков.

После 10 августа дело обороны страны потребовало особого внимания. Якобинцы с удесятворенной энергией начали укреплять армию. Они с успехом преодолевали те препятствия, которые чинили им господствовавшие в Конвенте жирондисты. Известная борьба между «горой» и «жирондой» отразилась и на организации армии. Без преувеличения можно сказать, что в борьбе между якобинцами и жирондистами одним из основных вопросов был вопрос об армии.

Вопрос об армии необходимо было решить с учётом воли французского народа, который должен был взять на себя разрешение этой проблемы—такова была логика истории. На данном этапе революции возглавить народ должны были жирондисты, но они испугались революционной активности масс и все больше и больше блокировались с правыми элементами. Пришлось решать эту задачу якобинцам, поскольку лишь их партия смело связала себя с народом и положила в основу своей деятельности чаяния и интересы народа.

Глава V

ПРОБЛЕМА АРМИИ В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ ЯКОБИНЦЕВ § 1. ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

В данном параграфе автор излагает историю борьбы «горы» и «жиронды» по вопросу об армии. Анализ явлений дает основание сделать вывод, что одной из причин катастрофы, постигшей жирондистов, были те ошибки, которые они допустили в подходе к созданию армии и организации обороны страны.

Неизбежное падение жирондистов (эту неизбежность обусловила внутренняя закономерность развития революции) ускорила измена Дюмурье. Она окончательно убедила французский народ в том, что оборона страны и сохранение завоеваний революции не по плечу жирондистам.

Конечно, нельзя рассматривать измену Дюмурье лишь в этом аспекте. Жирондисты всячески стремились предотвратить подъём революции, потушить революционную активность масс.

Настроение жирондистов хорошо отражала их креатура — генерал Дюмурье, который, следуя примеру Буйе и Лафайета, попытался задушить революцию. Для осуществления своего замысла он попытался использовать армию, которая его очень почитала. Армия была недовольна Конвентом; это было вызвано внутренними раздорами, имевшими место в Конвенте. По свидетельству комиссаров Конвента Мерлена

и Жиле, армия была недовольна тем, что Конвент вместо выработки конституции, ликвидации гражданской войны и мобилизации всех сил на борьбу с внешним врагом, забывает о своих обязанностях и предается ненужным дебатам.

Дюмурье, на которого контрреволюция делала свою последнюю ставку, умело использовал это настроение и стал активно агитировать против Конвента — распространял прокламации, сочинял ложные письма из Конвента, а подлинные письма Конвента и его комиссаров не пропускал в армию, содействовал противоречиям, существующим между регулярными и волонтерскими соединениями, нарочно создавал для добровольцев затруднения в прохождении службы и сваливал все на Конвент и т. д. Анализ событий показывает, что по сравнению с заговорами Буйе и Лафайета генерал Дюмурье был особенно опасен для революции. Без преувеличения можно утверждать, что судьба революции была в руках армии. Последнее слово должна была сказать сама армия, и она оказала его. Дюмурье ошибся в оценке подлинного настроения армии. На данном этапе революции политическая сознательность армии достигла уже такого высокого уровня, что она не дала вовлечь себя в расставленные генералом Дюмурье силки и не последовала за ним.

Восхищенные поведением армии, комиссары Конвента писали: «Смело можно утверждать — отечество еще раз спасено». Таким образом, армия действительно еще раз спасла революцию. Она вновь проявила себя как мощная революционно-политическая сила. Измена Дюмурье обусловила новую консолидацию французской нации и армии. Говоря языком одного из современников, «измена Дюмурье возродила гражданский дух». Измена Дюмурье сделала также очевидной огромную роль армии в окончательной победе революции. Она окончательно убедила революционно-демократическую Францию в необходимости полной демократизации армии. «Измена Дюмурье, — говорил Дантон, — лучшее средство для очищения армии от нежелательных элементов».

В то же время измена Дюмурье создала в стране тяжелое положение, армия стала отступать, упала дисциплина, началась дезорганизация. Но в эти трудные дни революционная демократия оказалась на должной высоте. Автор подробно освещает те мероприятия, которые были проведены для ликвидации создавшегося положения. Особенно важно отметить реорганизацию генералитета, проведенную по требованию масс. Комиссары Конвента получили право провести чистку армии с целью выявления заподозренных в «инцивилизме» офицеров. На первых порах таковыми считались офицеры, вышедшие из дворян, и явные роялисты. Что касается

офицеров, вышедших из буржуазных кругов, то они находились вне подозрения. Лишь в период диктатуры якобинцев их также обвиняли в «индивидуализме».

Автор останавливается на том, как якобинцы использовали измену Дюмурье для наступления на жирондистов, ускорив падение последних. Народ Франции понял, что судьба обороны страны больше не может оставаться в руках жирондистов и вынес им свой приговор.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ЯКОБИНЦЕВ И АРМИЯ

Придя к власти, якобинцы сразу же осознали необходимость решения именно тех задач, которые предали забвению жирондисты. Прежде всего надо было полностью ликвидировать феодальную систему, наличие которой так беспокоило основную массу народа—крестьянство. Эта задача включала в себя и конфискацию имущества дворян и церкви. Впоследствии встала задача конфискации имущества контрреволюционной буржуазии, т. е. «врагов народа», или «подозрительных». Необходимо было, чтобы при разделе этого имущества его определенная доля досталась бы широким народным массам.

Из других задач надо указать на следующие: ликвидация спекуляции, установление «максимума», наложение прогрессивного налога на богатых, создание твердой революционной власти, осуществление конституции 1793 года и т. д. Мероприятия, проведенные якобинцами в политической, экономической и социальной областях, создали именно те условия, которые были столь необходимы для организации народно-революционной армии.

Конституция 1793 года окончательно похоронила разделение французов на «активных» и «пассивных» граждан, что резко повысило численность приверженцев революции. Эта же конституция ввела всеобщую воинскую повинность, которая легла в основу создания новой армии—для воинской службы все граждане—солдаты, а все солдаты—граждане.

Автор подробно освещает аграрную политику якобинцев, отмечая большое значение для строительства армии декрета от 17 июля 1793 года о полной ликвидации феодализма. Эти мероприятия сделали крестьянина приверженцем революции, давшей ему землю и освободившей его от феодального гнета. Все это повысило оборонеспособность и боеспособность армии.

Автором рассматриваются и другие мероприятия якобинцев, направленные на реорганизацию армии (политика Конвента в отношении общинных земель, оставшихся в конеч-

ном итоге за крестьянами). Здесь же анализируются мероприятия Конвента по распределению «национального имущества», что также отвечало интересам широких масс трудящихся. Разобраны меры Конвента, направленные на улучшение экономического положения народа. Говоря словами Сен-Жюста, борьба против феодализма, против внешних и внутренних врагов и за великие политические преобразования была непосредственно связана с борьбой за улучшение экономического положения масс. Перед французскими революционерами встала не только задача создания буржуазно-демократической республики, но и задача уничтожения бедности посредством социального прогресса. Плебейские массы хорошо понимали, что свобода—пустой звук, если народ обречен на голод. И якобинцы принимали все меры, чтобы исправить это положение, а это, в свою очередь, способствовало подъему революционного и патриотического духа армии.

Народные массы требовали возместить военные расходы из доходов богатых. Эту идею поддерживали Робеспьер и Дантон. «У народа есть лишь кровь, которую он проливает, вы же, бездушные трусы, пожертвуйте ваше имущество», — говорил Дантон. Революционная Франция особенно больно реагировала на этот вопрос с тех пор, как выяснилось, что имущие равнодушны к делу обороны страны. Конвент ушёл требование масс и обложил налогом имущество богатых.

Автор анализирует позицию эбергистов и «бешеных»; тут же рассмотрены те меры, к которым прибегли имущие для защиты своих интересов. Обложение налогом богатых создало ресурсы для нужд армии и войны, что способствовало решению проблемы армии в целом. Стало возможным выправить тяжелое материальное положение солдат и офицеров волонтерской армии и их семей.

В работе подчеркивается, что та «жертва», на которую пошла французская буржуазия ради обороны страны, объективно служила опять-таки интересам буржуазии. Эту войну, в конечном счете, якобинцы и народ выиграли в интересах буржуазии.

§ 3. ВСЕОБЩАЯ ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ВОИСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Якобинцы превратили дело защиты страны во всенародную задачу. Обороной страны руководили Конвент и Комитет общественного спасения. Вместе с ними эту задачу решали народные организации, политические клубы и другие народные патриотические организации. Особенно активничал парижский клуб якобинцев и его многочисленные филиалы в

провинции. Большую роль сыграла также Парижская коммуна и ее секции.

Автор всесторонне рассматривает те важные меры, которые предпринял Конвент в целях реорганизации армии и укрепления обороны страны. Прежде всего, это закон от 23 августа 1793 года о массовом призыве (*la levée en masse*), который подготовил Комитет общественного спасения. Отныне вместо массового добровольного призыва вводилась всеобщая, обязательная воинская повинность. Это было новым словом в истории военной организации.

Жирондистам с трудом удалось призвать 300.000 добровольцев, поскольку они не справились с задачами социально-экономического порядка. На этот же раз действительность превзошла все ожидания: народ с энтузиазмом встретил закон о массовом призыве. И в этом нет ничего удивительного, ибо новый закон был принят под давлением революционных масс. Автор подчеркивает участие народных масс в создании этого закона. Важно отметить, что в провинциях успешному проведению призыва способствовала сама армия, оказывавшая большую помощь муниципальным властям и комиссарам.

Здесь же рассмотрена предательская роль «окопавшихся в тылу» правых консерваторов, саботированных проведение закона в жизнь.

Конвент жестоко карал тех, кто пытался уклониться от призыва. Эта мера дала свои плоды. Особенно положительную роль сыграл декрет «О подозрительных»: уклонявшийся от воинской службы мог попасть в список «подозрительных» и это сулило ему большие неприятности. Новая армия в большинстве своем была глубоко патристичной. Однако надо учесть и то, что террор, общественное «всепрокурение» в «индивидуализме», угроза попасть в список «подозрительных» — все это принуждало многих рядовых и толгу «патристов» и выражать поддержку политике якобинцев. Так или иначе, но от воинской службы никто не смог отказаться, и армия получала требуемое пополнение. Конвент окончательно ликвидировал порочную систему «заместительств».

Автор подробно освещает те мероприятия, которые предпринял Конвент в целях усиления армейской дисциплины и эффективности действий армии. Важно отметить, что индивидуализм в армии строится, но сознательный революционный дисциплинарный охват — так были «шлемы», народные массы.

§ 4. ТЕРРОР НА СЛУЖБЕ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

Делу внедрения железной дисциплины в армии и, в частности, организации обороны вообще, большую услугу оказал революционный террор, который превратился в одно из основных средств обеспечения обороноспособности страны. Это положение признало и буржуазной историографией, хотя и односторонне: существование революционного правительств и террора считается временным явлением, обусловленным внешними войнами. Террор, по утверждению буржуазных историков, мероприятие чисто военного характера и служил лишь задачам обороны страны. После военных побед террор, согласно тем же утверждениям, теряет всякий смысл и превращается в руках Робеспьера и его сторонников в орудие личной диктатуры. Однако известно, что террор, т. е. «деспотизм свободы против тирании», являлся одним из основных орудий для сведения классовых счетов.

Далее, в работе исследуется значение террора в деле решения проблемы армии. Автор, опираясь на оценку террора Энгельсом, считает его одним из основных средств решения этой проблемы. Энгельс указывал, что роспуск старой армии был закономерным явлением в условиях революции, дезорганизация этой армии и падение дисциплины в одно и то же время являлись условием и итогом всех победивших революций; созданная в 1791—1792 гг. армия, ввиду организационной слабости и упадка дисциплины, очень скоро теряет свое значение; вплоть до конца 1793 года во Франции фактически не было организованных вооруженных сил.

Якобинцы сумели внедрить в армии железную дисциплину, т. е. создали боеспособную силу. Энгельс прав, когда утверждает, что в этой импровизированной армии дисциплину насадили не генералы, которые лишь после первых побед приобрели влияние и авторитет, а террор, который осуществляла во внутренней политике гражданская власть; после твердой победы, а особенно после Флерьюса, террор теряет свое значение в глазах большинства.

Террору подвергался каждый, кто мешал обороне страны; тот факт, что Конвент возвел на гильотину многих генералов и офицеров, способствовал росту ответственности командного состава. Расправа над спекулянтами и мошенниками, окончившимися в организациях по обеспечению армии, над всеми теми, кто мешал обеспечению армии путём реквизиции, способствовала преодолению имевшихся в этом деле трудностей. Эбер, например, считал террор основным средством обеспечения армии провиантом. Террор искоренил всякую возможность проведения в армии контрреволюционной деятельности. Одним словом, «святая гильотина»

преданно служила защите родины. Террор содействовал «патриотизации» и «санкюлотизации» армии.

Конвент осуществлял террор посредством Комитета общественной безопасности, революционных трибуналов и созданных в 1794 году специальных военных трибуналов.

Не случайно демократическая Франция приветствовала детище своего революционного творчества — террор и требовала его продолжения. Конвент был заполнен народными требованиями продолжить террор в отношении генералов, офицеров, министров и т. п.

В этой связи следует отметить следующее обстоятельство: в результате массового призыва все патриоты и революционеры шли на фронт, но «подозрительные» элементы всячески старались уклониться от воинской службы и остаться дома. Создалось весьма своеобразное положение — патриоты боролись на фронте, а в тылу окопались противники революции. Революционная Франция болезненно переживала это обстоятельство и с помощью террора пыталась выправить положение.

5. «ПАТРИОТИЗАЦИЯ» И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ («САНКЮЛОТИЗАЦИЯ») АРМИИ

Делу укрепления армии в значительной мере способствовала якобинская система политического воспитания, т. е. «патриотизация» армии (так называли эту политику современники). Конвент хорошо сознавал революционную роль армии и поэтому считал необходимым установить с ней тесный и деловой политический контакт.

В итоге политических преобразований якобинцев солдаты получили такие же права, что и все граждане. Не случайно армия приняла активное участие в обсуждении конституции 1793 года.

Росту политической сознательности армии способствовала революционная агитация, начавшаяся еще в период деятельности Учредительного и Законодательного собраний. Агитаторы распространяли в армии революционные приказы, газеты и др., солдаты принимали активное участие в работе революционных клубов. Союз между солдатскими и якобинскими клубами никогда не нарушался. Фельяны, а затем жирондисты были против агитации в армии. Дело армии воевать, а не увлекаться политикой — таков был их курс.

Обеспечение армии материалами прессы и политической литературой принимает официальный характер после измены Дюмурье. Активное участие в этом деле принимали Дюбуа де Крансе, Фабр Д'Эглантин, Камиль Демюлен и сам первый министр-санкюлот Бушот.

Газеты и политическая литература печатались для армии огромным тиражом, что требовало больших расходов. Некоторые армии имели свои собственные газеты. Например, для политического просвещения армии Карно издал газету «Вечер в лагере» (*Soirée du Camp*), в которой печатались интересные материалы о деятельности Конвента и о текущей политике. Карно хотел противопоставить ее газетам крайне левого направления (типа «Отец Дюшень»). Кроме того, в армии распространяли централизованным порядком огромное количество всевозможных брошюр и бюллетеней.

Конституцию 1793 года армия встретила восторженно и повсеместно присягала ей.

«Патриотизация» армии способствовала повышению ее боеспособности и давала мощное оружие руководителям строительства новой армии. Политическая жизнь в армии была ключом. В данном вопросе Карно проявлял умеренность, он не был противником «патриотизации» армии, но не поддерживал «излишней» политической активности солдат. Он считал, что в такой обстановке армия может позабыть свое основное назначение — уничтожение врага.

Солдаты широко использовали право инициативы. Почти в каждом соединении или же в гарнизоне существовали свои политические клубы. Но для этой политической жизни был весьма характерен своеобразный, совершенно оправданный нюанс. Маратист или умеренный — модерант перед лицом врага временно забывали о своих политических разногласиях и активно выступали за единую революционную Францию. «Перед австрийцами нет партий, когда загремит пушка, тогда существует единая Франция, но не политика» (Шюке).

В период якобинской диктатуры на заседаниях клубов присутствовали офицеры, в том числе и высшие офицеры. Они следили за текущими политическими событиями. Более того, они считали себя обязанными выступать перед политическими клубами с определенными отчетами; присягу о верности родине давали перед клубом. Иногда членами якобинских клубов принимали целые соединения. Клубы и народные общества систематически знакомились с положением дел в армии, вели революционную пропаганду и др. Велики их заслуги и в деле разоблачения Лафайета, а потом и Дюмурье. Клубы и народные общества принимали активное участие в проведении набора добровольцев. Личным примером воспитывали в них патриотические чувства, рассматривали жалобы солдат, сотрудничали с солдатскими делегатами, помогали составлять петиции. Комиссары Конвента отчитывались как перед самим Конвентом, так и перед

тем клубом, членами которого они являлись. Конвент и комиссары систематически заслушивали отчеты о «патриотизации» армии и намечали новые мероприятия. Солдаты получили право подавать как персональные, так и коллективные заявления. Широко внедрялась система политических «доносов».

Буржуазная историография строго критикует систему политических «доносов» и расценивает ее как проявление «якобинского анархизма» (Пьер Дюфай). Эти «доносы» не исключали фактов сведения личных счетов, но в принципе они являлись проявлением революционной бдительности масс и суживали сферу вражеской деятельности контрреволюционных элементов. Во время чистки армии от контрреволюционных элементов в 1793 году данный метод в сущности оправдал себя.

«Патриотизация армии» ускорила процесс ее демократизации (этот процесс буржуазные ученые называют «республиканизацией армии»). В буржуазной историографии данное обстоятельство осмысливается как чисто политическое явление, то есть как внедрение в армию элементов республиканской системы.

Фактически мы имеем дело с гораздо более сложным явлением, дело касается классового характера, природы и назначения самой армии. Беднейшие слои городского и сельского населения Франции, которые оказались в первых рядах политической жизни, в деле реорганизации армии вышли из буржуазно-демократических рамок и придали ей плебейский характер. Для указанного этапа революции более точным было бы использование термина «санкюлотизация армии», который хотя несколько узок, но более точно определяет суть явления.

«Санкюлотизация» армии вышла за пределы рядового состава, она затронула уже и офицерский корпус, в котором с этого времени плебейско-санкюлотские элементы заняли определенное место. Наряду с буржуазными офицерами, появились офицеры-санкюлоты; более того, во главе военного ведомства встал министр-санкюлот Бушот.

Примечательно, что идея демократизации армии стала настолько актуальной и реальной, что даже буржуазно-жирондистский конвент был вынужден принять во внимание построение масс и поддержал политику создания «санкюлотской армии».

Окончательно этот процесс завершился в эпоху якобинской диктатуры. Процесс демократизации армии ускорила измена Дюмурье, и он осуществился преимущественно в виде «чистки» армии. Инициатива исходила снизу и сразу же приняла форму острого политического кризиса, который сдержи-

вали жирондисты и их ставленник — военный министр Бернонвиль. С весны 1793 года этот процесс принял более широкий характер, особенно после того, как военное министерство возглавил Бушот. Последний больше был эбертистом, чем якобинцем, и его поддерживала целая когорта крайне левых (эбертисты Ронсен, Венсан и др.).

«Санкюлотизация» армии углубилась после переворота 31 мая — 2 июня 1793 года, затронув, прежде всего, офицерский состав. Кроме офицеров дворянского происхождения, вместе со сторонниками Дюмурье изгнали всех «подозрительных» и умеренных.

Естественно, что такое поголовное изгнание офицеров наносило какой-то вред и самой армии. Иногда плебейские элементы решали вопрос очень легко. По мнению одного санкюлота, демократизацию армии следовало провести простым путем — старое офицерство надо было заменить опытными солдатами. Конвент и сам Бушот хорошо понимали, что так просто изгнать офицеров нельзя, но они отдавали себе отчет и в том, что на старое офицерство нельзя опираться. В конечном итоге было решено провести чистку офицерского состава — воля народа победила. Списки офицеров, подлежащих уходу из армии, составлял лично Бушот. Он тщательно изучил личные дела офицеров и в большинстве случаев его решения были справедливыми.

Поэтому не произошло того, чего боялись диктаторы, т. е. армия почти не потеряла лояльных и знающих офицеров. Хорошо были подобраны кадры высших офицеров, был выдвинут ряд блестящих революционных генералов (Гош, Журдан, Клебер, Марсо, Моро, Пиштрею, Дюгонис, Перинлон и многие другие). Бушот способствовал и возвышению Бошарта. Тут же необходимо отметить следующее обстоятельство: случайные лица не осмеливались занимать даже предлагаемые им должности, карьеризм на этом этапе еще не имел большого распространения.

В этом же параграфе рассмотрены те же конкретные меры, которые осуществились в сфере демократизации армии. Здесь же показано, как проходил процесс нормализации отношений между офицерами и солдатами, в основу которых легло взаимное доверие и сознание общего долга. Это укрепило дисциплину и повысило боеспособность армии.

Армия не сможет сыграть в революции положительную роль, если она будет действовать стихийно и анархистски. В таком случае она может оказаться в руках отдельных демократов и авантюристов и вместо того, чтобы сыграть прогрессивную роль, превратится в темную, отрицательную силу. «Патриотизация» армии стала предисылкой правильного, орга-

низованного, сознательного направления действий армии. Это вовсе не обозначает того, что армия и направляющее ее революционное правительство не допускали никаких ошибок. Напротив, их было немало, ибо многие мероприятия носили часто характер эксперимента (порой совершенно неоправданного).

Здесь же автор затрагивает вопросы, связанные с проведением выборности офицеров. Занятие вакантных должностей происходили и без посредства соответствующих инстанций. Выявление военных талантов происходило в основном непосредственно на поле брани, на виду у солдат и офицеров. Последних избирали и из среды рядового состава. Единственным официальным лицом, который утверждал эти выборы, был комиссар Конвента.

Никакая сила не могла приостановить демократизацию офицерского состава. Она была обусловлена самой логикой развития революции и была закономерным процессом. Происходил, если возможно так выразиться, естественный подбор офицерского состава. Как было сказано, выдвинувшееся на полях сражений офицерство в основном оправдывало надежды. Лазарь Карно, который был сторонником демократизации офицерства, отмечал и другое обстоятельство. Среди новых офицеров оказывались порой совершенно беспомощные и неграмотные люди. Но несмотря на эти недостатки, вопрос о младших и, в частности, старших офицерах решился положительно. Что касается армейской элиты — генералитета, то Конвент здесь проявлял особенную осторожность и бдительность, их подбор происходил под непосредственным контролем Конвента и Комитета общественного спасения. Новый генералитет преимущественно был хорошо подобран. Многие были выходцами из низших слоев общества. Как говорится в одном документе, «по-видимому, в армии находятся пастухи, которые могут стать Тюреннами».

Автор дает характеристику представителей нового генералитета, показывает их замечательные качества (простота, патриотизм, смелость). Тут, естественно, мы не касаемся вопроса о некоторых бывших революционных генералах, которые впоследствии превратились в маршалов, герцогов, князей и даже королей наполеоновской империи.

Конвент предоставил генералитету большие права, но его действия подчинил своему строгому контролю.

Автор всесторонне рассматривает взаимоотношения между генералитетом и Конвентом, показывает как удавалось последнему выступать в роли «коллективного генералиссимуса». Отмечены положительные и отрицательные стороны этого явления. Недостатками данной системы были излишние, порой грубые вмешательства в деятельность генералов; некото-

рые из генералов понесли незаслуженную кару; иногда верх браза атмосфера недоверия; были случаи, когда совершенно не сведущие в военном деле политические деятели злоупотребляли своей властью. Но все это, не могло затмить того положительного, чего достигла централизация власти. Главное — была исключена реальная опасность установления военной диктатуры, «генеральского деспотизма», которого так опасались республиканцы-робеспьеровцы и который впоследствии стал фактом.

Конвент и Комитет общественного спасения взяли под политическое наблюдение весь офицерский состав. О настроении офицерства Комитет информировали комиссары Конвента, муниципалитеты, народные общества и солдаты.

В узаконном разделе говорится о той роли, которую сыграли комиссары Конвента в деле укрепления обороноспособности страны. Рассказывается о тех энергичных и радикальных мерах, которые были направлены на разрушение всего того, что было связано со старым режимом. Особое значение приобрел вопрос об униформе. Старое офицерство старалось сохранить в униформе регулярной армии королевские знаки отличия (геральдическую лилию Бурбонов, белый цвет и пр.). Волонтерская армия носила трехцветную форму (белые рейтузы, синий мундир, красный ворот). Вопрос об униформе становился одним из проявлений классовой борьбы. Автор рисует картину противоречия, возникшего на этой почве в армии. Конвент со свойственным ему радикализмом решил возникший вопрос и повсеместно запретил старую форму, а после «амальгамы» существующая разница вообще была ликвидирована.

Последовательное проведение в жизнь принципов «амальгамы» якобинцами служила демократизации и укреплению армии. Армия получила единую форму, единую организационную систему. Становление нового сопровождалось революционно-патриотическим подъемом, устраивались церемонии, братания волонтеров с солдатами. Наперекор жирондистам и другим умеренным, слияние произошло так, как того требовал французский народ.

Революционная армия слилась с волонтерской армией. (Два батальона добровольцев соединились с одним батальоном регулярной армии и было создано новое объединение — т. н. полубригада).

Этим революционно-демократический дух передался всей армии. После этого по всей армии распространился принцип выборности офицеров. Выборными становились как старшие, так и младшие офицеры (две трети выбирались, а остальных повышали в звании по принципу старшинства).

«Санкюлотизация армий» во главе с якобинцами осуществлялась с большим успехом. В этом деле санкюлотская Франция зашла настолько далеко, что в армию были не только закрыты пути бывшим дворянам, но она противопоставила себя даже собственнически-буржуазной Франции. Пути в армию были закрыты также и для детей «подозреваемых» и «врагов народа». В связи с полной демократизацией армии у Робеспьера было полное основание сказать: «Наконец-то мы очистили республиканские армии от изменников, компрометирующих ее. Наконец, мы нашли небольшое число республиканских вояков, которым мы можем доверить судьбу государства. Мы сочли возможным положиться на санкюлотов, возложить на них заботу по уничтожению преемников тиранов».

Здесь же автор останавливается на одном интересном вопросе, на том, что в конце концов установилось единство между революционным правительством и революционной армией, и это явилось главнейшей предпосылкой победы революции. Руководители революционной Франции — якобинцы хорошо понимали силу этого единства и объявляли беспощадную борьбу всем тем, кто мешал этому. Они сделали все для обеспечения этого единства и положили его в основу проведения военной политики. Именно в период якобинской диктатуры армия стала полной «опорой революционного правительства». Якобинцы блестяще решили высшую задачу революционной стратегии, вовлекли армию в революцию и превратили ее в опору революционного правительства. Для достижения этого надо было удовлетворить конкретные требования народа. Якобинцы смогли реализовать этот закон революции. Буржуазная историография объясняет поражение волонтерской армии в кампании 1791—1792 гг. преимущественно организационными просчетами. В действительности же причина заключалась в том, что лозунги буржуазных революционеров были пустыми, прожкими фразами об абстрактной свободе, равенстве и братстве. Буржуазия и не думала удовлетворить конкретные и неотложные требования трудящихся Франции, а без этого организация революционных масс была неосуществимым делом. Подлинно народный армия — решающего фактора победы над врагами — в 1791—1792 гг. еще не было и не могло быть. Политика же якобинцев полностью оправдывает известную формулу В. И. Ленина: «Практическое важнее в тысячу раз всяких манифестов».

В период якобинской диктатуры было осуществлено еще одно условие революционной стратегии, которое заключалось в том, что революционной армией должно руководить революционное правительство.

Французский народ сам призывал якобинцев не отступать и довести войну до победного конца.

Автор дает в своем труде конкретную иллюстрацию единства народа, революционного правительства и народа. «Война до победного конца» в понимании санкюлотской Франции и его вождей исключала завоевательные, грабительские войны. Они ставили своей целью защиту отечества и революционных завоеваний. Но кроме революционных демократов в блоке с якобинцами находились представители молодой французской буржуазии, которые мастерски использовали революционный порыв народа; в этой войне, как выяснил проф. А. Л. Нарочницкий, им удавалось, хотя и частично, проводить завоевательную политику, а после 9 термидора они осуществляли ее уже открыто.

§ 6. ВОПРОСЫ ВООРУЖЕНИЯ, СНАБЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМИИ

В данном параграфе автор вскрывает огромное значение этих мероприятий для успешного осуществления правильной военной политики. Опираясь на некоторые новые материалы, автор дает всестороннюю характеристику этих мероприятий; здесь же показана роль французских ученых в деле организации армии и обороноспособности страны. Особенно подчеркнуто значение единения армии и народа. Так, например, кампания «добровольных пожертвований» сосредоточила в руках Конвента значительные материальные ресурсы. Примечательно, что в этих сборах наряду с гражданским населением активное участие принимала и армия. Автор анализирует методы контрибуции и реквизиции и отмечает, что вся тяжесть этой политики легла, в основном, на плечи собственников, как внутри страны так и вне ее.

Содержащиеся в архиве Эммери материалы позволяют проанализировать те противоречия, которые возникли во французской общественности по вопросу об улучшении системы снабжения армии. Показано, как демократические силы страны требовали замены частной антрепризы в снабжении армии централизованными поставками, которые подчинялись бы контролю общественных организаций.

Автор пытается доказать, что политика реквизиции, которая сыграла большую роль в деле укрепления обороноспособности страны, была продиктована действительностью. Тотальный призыв в армию обусловил и тотальную мобилизацию материальных средств. Это было возможно лишь в эпоху роста патриотического самосознания в условиях широкого развития революционной активности масс. Здесь же повеству-

ется о сопротивлении реквизиции со стороны имущих слоев общества.

Автор также широко освещает политику социального обеспечения армии и конкретные шаги, сделанные в этом направлении революционной Францией (пенсии ветеранам, помощь семьям фронтовиков и пр.), раскрывается роль и инициатива масс в этой политике.

В этом же параграфе автор затрагивает и мало изученные вопросы о медицинском и санитарном обслуживании армии.

По этим вопросам в архиве Эммери сохранилось много интересных материалов, которые заслуживают специального изучения. Данные вопросы рассматриваются на фоне решения проблемы армии. Изучение этих материалов позволяет заключить, что военно-медицинская служба, которая стала неотделимой частью военной службы и которая впоследствии была внедрена в армии всех стран, была детищем Великой французской буржуазной революции.

§ 7. АРМИЯ — ОРУДИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА (КАК ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА)

В ходе революции, различные политические силы: король и дворянство, консервативная и либеральная буржуазия, революционная демократия и соответствующие их политическим интересам политические группы («партии») монархистов, конституционных монархистов (фельянов), жирондистов и якобинцев, старались использовать армию в качестве своей политической опоры.

Эту же цель преследовали и крайне левые политические группы — носители интересов беднейших слоев населения: левые якобинцы, шометисты, эбертисты, «бешеные» и др.

Король и феодально-контрреволюционные силы окончательно убедились в том, что потеряли армию (как мы видели все попытки покончить с революцией при помощи армии окончились безрезультатно). Свои последние надежды король возлагал на свою личную гвардию. Монархисты добились того, что король в качестве личной охраны сохранил и швейцарский полк. Контрреволюционная сущность этих соединений была настолько очевидной, что Учредительное собрание с целью установления над ними своего контроля преобразовало их в Конституционную гвардию. В конечном итоге, королевскую гвардию распустили. Швейцарский же полк свои верноподданнические чувства продемонстрировал последний раз 10 августа, во время охраны Тюильрийского дворца. Роспуск королевской гвардии был всеобщим народным требованием. Консервативные силы в обстановке массового революционно-

го подъема не могли противостоять демократическим силам в деле проведения этих важных мероприятий. Примечательно, что в политических манифестациях, участники которых требовали роспуска королевской гвардии, выступали и солдаты. Но после роспуска гвардейцев король тайно поддерживал их, платил им жалованье и 10 августа призвал всех на помощь.

Какими уже отмечали, «национальную гвардию» собственническая Франция использовала преимущественно в качестве внутривнутриполитической силы. Борьба консерваторов и демократов «вокруг «национальной гвардии» закончилась победой последних. После поражения монархистов правые консервативные элементы действовали в лице фельянов, которые теперь, опираясь на армию, старались остановить революцию. Эта попытка лидера фельянов Лафайета, как было указано, окончилась полным поражением. Армия снова и снова оставалась верной революции.

После поражения фельянов лидерами правых выступила жиронда. Она не могла помешать процессу демократизации армии и была вынуждена, в частности, примириться с демократизацией «национальной гвардии». Во время жестоких классовых боев между имущими и неимущими жиронда пыталась создать такой вариант вооруженных сил, который стал бы средством решения внутривнутриполитических задач в ее интересах.

В указанном аспекте и рассматривает автор попытку жирондистов создать т. н. «департаментскую гвардию». План жирондистов был таков. В лице «департаментской гвардии» они хотели создать вооруженную силу «приличной», собственной Франции, которая противостояла бы «неприличной», санкюлотской Франции, революционному Парижу и вызволила бы Конвент из плена «илебесв». Демократическая Франция разобралась в кознях жиронды и последняя не смогла создать «департаментскую гвардию». Автор подробно рассматривает острую борьбу, возникшую на этой почве между жирондой и демократической Францией.

Во время якобинской диктатуры снова возникла необходимость использования вооруженных сил для политических целей. Преимущественно для этой цели в сентябре 1793 года были созданы плебейско-санкюлотские военные отряды особого назначения, т. н. «революционная армия».

Нельзя отрицать того обстоятельства, что «революционная армия» была созданием плебейской Франции. Она объединяла преимущественно «бешеных», «эбертистов», «шометистов» (еще умеренный Дантон пытался в этих чрезвычайных отрядах иметь «истинных патриотов», преимущественно представителей мелкобуржуазной демократии, но не «бунтарей»

и «сеятелей интриг», т. е. крайне левых). Примечательно, что правые якобинцы (Карно, Барьер, Робер, Ланде и др.) воздерживались в этом вопросе.

Робеспьер еще весной 1793 года требовал создания санкиюлотского военного отряда особого назначения. По его замыслу эти отряды в основном должны были состоять из мелкобуржуазных элементов. Здесь должны были объединиться «ремесленники и все добрые патриоты». Сентябрьский вариант (1793 г.) «революционной армии» полностью не устраивал Робеспьера. На этот раз вместо гвардии мелких владельцев формировались чрезвычайные отряды, где сосредоточивались беднейшие, плебейские, полупролетарские элементы, т. е. «санкиюлоты» по понятиям левых якобинцев, эбертистов, и «бешеных». Робеспьер же под «санкиюлотами» подразумевал преимущественно широкие слои мелкобуржуазной демократии. Однако на данном этапе революции, чтобы заручиться поддержкой народных масс, он провозглашал левые лозунги, а в то же время готовил для их авторов (шометистов, эбертистов, «бешеных») гильотину.

Робеспьер поддержал «максимум», издал вместе с Сен-Жюстом «вантозские декреты», поддержал также сентябрьский вариант «революционной армии». Примечательно, что декрет был принят после событий 4—5 сентября, после т. н. «плебейского натиска». Создание «революционной армии» было компромиссом между революционным и секционным правительствами (Кобб).

Собственническая, в том числе и мелкобуржуазная Франция встретила создание этих чрезвычайных отрядов отрицательно, но в условиях революционного подъема помешать этому мероприятию она не могла. Однако существование его было кратковременным: после разгрома «бешеных», эбертистов, шометистов «революционная армия» прекратила существование.

Долгое время вопрос о «революционной армии» не изучался, если не считать тенденциозного исследования А. Аденга, который в лице «революционной армии» видел банду грабителей, которые ставили своей целью присвоение чужого добра. Без всякого основания, без классового анализа он сравнивал эти соединения с созданной во время Великой Октябрьской социалистической революции Красной гвардией. Вторую крайность представлял французский публицист и историк Даниель Гэрэн, который «революционную армию» считал совершенно сложившимся в классовом отношении органом диктатуры пролетариата.

Для изучения «революционной армии» большое значение

имеет двухтомная капитальная монография английского историка Ричарда Кобба. Он развеял неверные представления о «революционной армии», которая якобы являлась орудием эбертистов, стремившихся использовать ее с целью свержения революционного правительства. Он доказал, что «революционная армия» служила революционному правительству, т. е. она являлась органом революционно-демократической, якобинской диктатуры. Он показал, что «революционная армия» ни в какой мере не являлась орудием насилия и грабежа и сослужила большую службу революционному правительству (борьба против внутренней контрреволюции, осуществление декристианизации, снабжение Парижа продуктами питания, охрана «максимума», реквизиции для армии).

В этой связи возникает вопрос: почему же тогда понадобилось революционному правительству распустить «армию», если она делала полезное дело? Причину этого пада искать в явлениях социального порядка.

Необходимо отметить, что в «армии» влияние левых якобинцев намного преобладало в сравнении с влиянием якобинцев-робеспьеристов. Во главе армии стояли крайне левые (эбертисты, Ронсан и Венсан), но особенно заметно было их преобладание среди гражданских комиссаров армии. Крайне левые поставили перед армией задачи социального преобразования. «Почти у каждого из них на устах были лозунги «отца Дюшениа». Многие утверждали, что вели войну бедняков против богатых и что необходимо отнимать имущество у богатых и передавать бедным» (Кобб).

В провинциальных соединениях «армии» деревенские бедняки сражались против сельских собственников. Эта борьба имела социальную окраску и вмещалась в рамки «аграрного закона». Все это делает понятным отношение собственнической Франции к этой армии.

Подтверждением преданности новой армии французской революции является участие ее в подавлении контрреволюционных вылазок. Хорошо известна роль армии в подавлении контрреволюционных мятежей в Марселе, Тулоне и Лионе, ее самоотверженность при ликвидации Вандейского восстания. Французский историк А. Собыль, описывает еще один факт участия армии в подавлении контрреволюции — борьба армии против повстанцев в департаменте Эр.

В борьбе против внутренней контрреволюции революционная Франция и ее армия шли рука об руку. В таких случаях армия всегда демонстрировала железную дисциплину и глубокие гражданские чувства. Борющийся на фронте войска с огромным вниманием следил за внутренними событиями в

стране. Братья по оружию радовались успехам борьбы против контрреволюции. Надо отметить и то, что вместе с ликвидацией внутренней контрреволюции армия, совместно с демократическими организациями и гражданской властью, тут же осуществляла революционно-демократические преобразования.

Армия часто выступала в роли хранителя революционного порядка (напр., в январе 1793 года в Париже). Огромную роль сыграла армия в деле ликвидации гражданской войны, которая была не менее опасна, чем война с внешним врагом.

* * *

Решительные меры, принятые якобинцами для обороны страны и создания новой армии, вскоре дали свои плоды: революционная армия выполнила свою историческую миссию, она спасла революцию и в то же время способствовала распространению идей революции во всем мире. Иными словами, армия сказала свое слово в прогрессивном развитии человечества.

После 9 термидора развитие Великой французской буржуазной революции по восходящей линии закончилось. Пришла к концу и эпоха революционной армии и освободительных войн. Буржуазия бросила революционные массы в новые войны, но отныне войны служили ее захватническим интересам. Постепенно меняет свой облик и армия, превращаясь в орудие классового господства победившей буржуазии и ее политики, т. е. становится буржуазной армией.

В условиях буржуазно-демократической революции создание подлинно народной армии было невозможно, ввиду классовой ограниченности революции. Народная армия в эпоху такой революции — временное явление, обусловленное объективными причинами.

Создание подлинно народной армии возможно лишь в условиях социалистической революции. Первый пример тому дала Великая Октябрьская социалистическая революция. Однако уже революция 1905 — 1907 гг. создала большие возможности для сотрудничества армии и революционных масс, чем французская революция, возникло и больше возможностей для создания народной армии. «Патриотизация» французской армии, т. е. внесение в нее революционного духа, началась в более трудных условиях, чем в России, где действовал сильный пролетариат, во главе которого стояла большевистская партия. Во времена французской революции, которая возникла на мануфактурном этапе развития капитализма, пролетариат, как авангард в борьбе против капитализма, не существовал. Трудящиеся города (т. н. «вилебс») были от-

сталыми в классовом отношении и с социальной точки зрения представляли собой довольно пестрый конгломерат.

Гегемоном французской революции выступала буржуазия. В революции же 1905 — 1907 гг. в России роль гегемона играл пролетариат. Лишь в результате объективных причин, приведших к спаду революции, вопрос о создании народной армии не нашел тогда своего разрешения.

Первой гарантией создания подлинно народной армии является ликвидация классового антагонизма, т. е. победа социалистической революции.

В ранних буржуазных революциях, буржуазия-гегемон совместно с крестьянами и всем народом борется против феодальной системы. После победы же буржуазия вместе с зажиточными крестьянами противопоставляет себя бедняцким массам города и деревни, всему народу. Эпоха промышленного капитализма создает «могильщика буржуазного строя» — промышленный пролетариат. Вместе с беднейшим крестьянством, с полупролетарскими массами, вместе со всеми эксплуатируемыми пролетариатом начинает борьбу против капитализма, что открывает новую эпоху, эпоху социалистической революции. В этот период создаются наибольшие возможности для рождения подлинно народной армии, а с победой социалистической революции эти возможности становятся реальностью. Совершенно обратная картина имела место во время буржуазной революции, имеющей целью утвердить власть буржуазии.

Возникает вопрос: если буржуазия является противником народной армии, как могла она допустить рождение революционной армии, способствовать ее укреплению и развитию? Это было временной уступкой буржуазии, вынужденным отступлением от ее военно-политических принципов.

Движущей силой революции был народ и без его революционной активности буржуазная революция не смогла бы никогда победить. В тот трудный час, когда под угрозой оказалось само существование революции, самые революционные и решительные сторонники ее в лице якобинцев избрали правильный путь — обратились за помощью к армии и народу, создали народную армию и тем спасли революцию.

Но как только внешняя опасность была снята с повестки дня, буржуазия прорывает с массами, а инициаторов этого союза во главе с Робеспьером посылает на гильотину. Победившее буржуазное общество — продукт временного союза народа и буржуазии, внесло революционную армию в ликвидационный список.

Охрана «буржуазного порядка» была поручена буржуазной «протерпанской» армии и ее шефу — Наполеону.

Таким образом, буржуазия лишь временно мирилась с существованием народной армии (как и с диктатурой якобинцев), ибо понимала, что без этого невозможно было спасти революцию.

* * *

Сложные перипетии военной истории Великой французской буржуазной революции имели свое логическое завершение. Победивший класс создал свою классовую армию.

Борющаяся за власть буржуазия начала с того, что «разложила» старую армию, без чего нельзя было победить «старый порядок», затем постепенно создала и закрепила армию нового класса, новую дисциплину, новую военную организацию в лице буржуазной армии. Это был закономерный, исторически необходимый итог буржуазной революции. Вместе с тем этот факт объективно являлся исторически-прогрессивным явлением, поскольку французская буржуазная революция, разрушившая феодальный строй, была прогрессивным явлением.

Такую же прогрессивную роль в 1789—1794 гг. сыграла и армия. Что касается «народной армии», созданной на кульминационном этапе революции, она не была по-настоящему народной армией, ибо тогда не могли сложиться необходимые для этого условия, возникающие только лишь при социалистической революции.

В одном из воззваний к армии, изданном после изменения Дюмурье, говорилось, что «армия стоит в авангарде нации». Это была правильная оценка роли армии и ее преданности революции.

В революции, которую творят прежде всего народные массы, основное значение имеет позиция армии, которая или тормозит, или способствует прогрессу революции. Она является одной из активнейших сил революции.

Свержение «старого режима» французская буржуазия могла осуществить лишь насильственным путем. «Орудие насилия» — армия играла в истории и отрицательную роль. Такую роль играла армия «старого режима» в условиях абсолютизма. Но эта «преступная армия» может превратиться и в добродетельную силу и стать подспорьем революции. Именно такой стала армия «старого режима» в первые дни революции, слившись затем с новой революционной армией.

При оценке революционной роли французской армии в 1789—1794 гг. главное заключается в том, что она была плоть от плоти французского народа — этой движущей силой революции. Французский плебс сыграл главную роль в деле победы революции. Перефразируя формулу Ф. Энгельса —

«Только эти плебс и совершили революцию» можно сказать: «Только эти плебс вместе с солдатами совершили революцию».

* * *

Основные положения диссертации опубликованы в монографии автора «Очерки из истории Великой французской буржуазной революции (Организация новой армии)». Тбилиси, 1963 г., 27 п. л. (на грузинском языке).

См. также:

1. «Англия и французская буржуазная революция», труды ТГУ, т. 55, 1955 г., 4,5 п. л. (на груз. яз.).
2. «Вантозские декреты», труды ТГУ, т. 69, 1958 г., 2, п. л. (на груз. яз.).
3. «Отклики Великой французской буржуазной революции в Германии», труды ТГУ, т. 77, 1959 г., 1,5 п. л. (на груз. яз.).
4. «Обострение противоречий внутри якобинского блока», труды ТГУ, т. 87, 1960 г., 1,5 п. л. (на груз. яз.).
5. «О перевороте 9 термидора», труды ТГУ, т. 107, 1964 г., 3 п. л. (на груз. яз.).